

ЧТОБЫ ПОЙМАТЬ ОДНОГО УБИЙЦУ,
НУЖЕН ДРУГОЙ УБИЙЦА

18+

Входит в десятку лучших
дебютных триллеров, которые
я читал за последние десять лет...

А. Дж. Финн,
автор бестселлера
«Женщина в окне»

УБИЙЦА С ПИЛОЙ

НАДИН МЭТИСОН

Инспектор Анжелика Хенли

Надин Мэтисон
Убийца с пилой

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Мэтисон Н.

Убийца с пилой / Н. Мэтисон — «Эксмо», 2021 — (Инспектор Анжелика Хенли)

ISBN 978-5-04-184226-0

Самый захватывающий и пугающий дебютный триллер 2022 года. Чтобы поймать одного убийцу, нужен другой убийца. Когда на берегах Темзы начинают находить расчлененные части тел, инспектор Анжелика Хенли сразу вспоминает про известного маньяка Питера Оливера — слишком уж совпадает почерк. СМИ окрестили его «Убийца с пилой». Но это никак не может быть он — Оливер давно сидит в тюрьме. И посадила его туда именно Хенли. Анжелика надеялась, что больше никогда не встретится с Питером. Только гора трупов продолжает расти, а у полиции по-прежнему нет ни одной зацепки. Им нужна помощь. Помощь серийного убийцы, способного понять своего подражателя. Неожиданный побег Оливера из тюрьмы рушит все планы Хенли. Теперь ей с командой придется столкнуться сразу с двумя убийцами, стремящимися превзойти друг друга в жестокости и изобретательности.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-184226-0

© Мэтисон Н., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

62

Надин Мэтисон

Убийца с пилой

Nadine Matheson

THE JIGSAW MAN

Copyright © Nadine Matheson 2021

В оформлении обложки использованы фотографии:

© Wirestock Creators, AndreyOnTheMove, OlegRi, Summer loveee, Aastels, kdshutterman / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Жукова М. В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Входит в десятку лучших дебютных триллеров, которые я читал за последние десять лет...

А. Дж. Финн, автор бестселлера «Женщина в окне»

* * *

Данная книга является художественным произведением. Имена, фамилии, действующие лица и описываемые события являются плодом авторского воображения. Любое сходство с реальными лицами, как ныне живущими, так и усопшими, событиями или местами является случайным.

* * *

Посвящается Эмбер, Эстер, Джему, Джонатану, Кери, Люку, Патриции, Сату и Стиву

Пролог

6:44 утра. Гринвичский пирс, отлив. Максвелл Томас гуляет с собакой по берегу реки. Он не ждет, что найдет части человеческого тела. Он идет по серой глине, мокрой гальке, осколкам стекла, обходя куски дерева и выброшенные автомобильные шины. Он спускает свою собаку Петру с поводка и замечает, как солнечный луч отражается от какой-то валяющейся на земле вещицы. Он наклоняется и аккуратно ее поднимает. Вчера ему повезло найти средневековую булавку и римскую монету времен Диоклетиана. Сегодня это всего-навсего несколько

звеньев цепочки от пробки для ванны. Максвелл разочарован. Он выпрямляется и видит, как его собака что-то обнюхивает в грязи. Стоит конец лета. Жара пока не спадает, и температура воздуха постепенно поднимается. Максвелл идет дальше, стирая со лба капли пота. Его футболка прилипает к складкам жира у него на животе. Он добирается до собаки в 6:48 и смотрит, что привлекло ее внимание.

– Черт меня подери!

Он оттягивает собаку назад за ошейник. В теле ощущается прилив адреналина, в ушах отдаются удары сердца. Он чувствовал то же самое, когда вчера обнаружил старинную римскую монету. Любопытство и возбуждение. Но они быстро уходят. Теперь его переполняют отвращение и страх, к горлу поднимается тошнота. Его рука дрожит, когда он достает из кармана мобильный телефон. Телефон выскальзывает и падает на мокрую гальку. Максвелл вытирает экран о джинсы, проверяет камеру и делает снимок отрубленной руки.

Примерно в полутора километрах от него профессор археологии Хизер Росицки наблюдает за работой студентов-второкурсников, завершающих свое выездное занятие на месте старой Дептфордской верфи. Хизер прислоняется к стене, огораживающей берег, смотрит на часы и вздыхает. Прилив начнется только через четыре часа, но ей уже хочется уйти отсюда и вернуться в свой кабинет. Ей нужно закончить финальный вариант книги о раскопках на Темзе в Лондоне до того, как издатель выполнит свое обещание и ее убьет. Она уже два раза сорвала сроки и потратила выплаченный аванс.

Тишину нарушает крик, и Хизер видит, как одна из студенток, Шуи, бежит к ней. Остальные студенты отступают от покрытых мхом скал, когда Хизер подбегает к Шуи, которая зацепилась носком за кусок дерева и упала.

– Что случилось? – спрашивает Хизер.

Шуи трясет головой и начинает плакать, пока Хизер помогает ей подняться на ноги. Студенты одновременно громко что-то говорят, приближаясь к Хизер. Кто-то хватается за руку и тянет к разваливающимся ступеням причала. Хизер чувствует, как крик вырывается из ее горла, когда она смотрит вниз на грязную, мутную воду и видит туловище без головы и конечностей, плавающее среди черных и зеленоватых корявых кусков дерева.

Кристиан Матей, сборщик кухонной мебели, идет по направлению к Нельсон-мьюз, последнему тупиковому переулку, отходящему от Уотергейт-стрит в Дептфорде. До реки отсюда недалеко. Ему кажется, что он слышит женский крик, но затем его отвлекает чья-то паршивая игра на трубе. Он приближается к дому номер пятнадцать, открывает ворота и бросает пустой стаканчик из-под кофе в мусорный контейнер, который стоит на подъездной дороге.

– Проклятье, – произносит Кристиан на своем родном албанском языке, когда стаканчик ударяется о край контейнера и падает на землю. Когда он наклоняется, чтобы поднять стаканчик, что-то привлекает его внимание. Примерно в полуметре от него большая стая мух кружит вокруг валяющегося на земле предмета. Кофе вместе с желудочным соком поднимается вверх по пищеводу и выходит у Кристиана изо рта. Рвотные массы попадают на мух, облепивших уже разлагающуюся отрезанную человеческую ногу.

Глава 1

Главное было сохранять спокойствие. Не дать ему увидеть, что он ее почти довел. Опять.

– Роб, у меня нет на это времени. Я опоздаю на работу, – сказала Хенли, схватив с тумбочки ключи от машины.

– Вот в этом-то и проблема. У тебя никогда...

Звук захлопывающейся входной двери заглушил остаток его фразы, но она и так его знала.

«У тебя никогда нет времени. Работа у тебя всегда на первом месте».

Инспектор сыскной полиции Анжелика Хенли обернулась и посмотрела на их дом, втиснутый между двумя другими. Входную дверь они недавно покрасили в голубой. Хенли уже не в первый раз задумалась о том, почему чувствует себя более счастливой, когда имеет дело с насильниками и убийцами, а не с собственным мужем. Она посмотрела на себя в зеркало заднего вида. Хенли так быстро убежала из дома, что у нее просто не было времени замазать небольшой шрам на правой щеке и темные круги под глазами. Она включила радио «Би-би-си Лондон», чтобы узнать, где сейчас самые большие пробки, но голос диктора прервал телефонный звонок. На экране высветилось: «СТИВЕН ПЕЛЛАЧА».

– Ты где? – спросил он вместо приветствия.

– И тебе доброго утра. На Дептфорд-бродвей. Буду минут через десять, – ответила Хенли.

– Не заезжай в отдел. Мне нужно, чтобы ты кое-куда отправилась. На дальний конец Уотергейт-стрит.

– На Уотергейт-стрит? Зачем?

– У нас новое дело. Там в нескольких местах разбросаны части тела. Пока еще рано говорить, принадлежат ли они одному человеку или нескольким. Рамоутер уже на пути туда. Он встретит тебя там.

Хенли резко надавила на тормоз, когда у нее перед лобовым стеклом внезапно возник мопед, встроившийся в ряд машин. Хенли сразу почувствовала напряжение, мгновенно сковавшее ее тело, будто кто-то нажал на кнопку.

– В смысле – ты послал Рамоутера? – Она пыталась сдержать злость, но ее голос так и сочился гневом. – Почему ты думаешь, что я...

Пеллача ее проигнорировал.

– Я сейчас скину информацию и координаты тебе на почту.

Хенли с силой ударила ладонью по рулю. Последнее, что ей сейчас было нужно, – это полный энтузиазма неопытный следователь, ходящий за ней по пятам.

Уотергейт-стрит, расположенная совсем рядом с вечно забитой машинами Крик-роуд, обычно была тихой и безлюдной, но сегодня в 7:40 утра все двери на ней были открыты, а жители собрались перед своими домами, гадая, почему столько полицейских машин примчалось на их улицу. Нависающие над ней ветки вишневых деревьев отбрасывали холодные, сумрачные тени, несмотря на палящее солнце. Хенли припарковала машину напротив паба «Адмирал», всего в нескольких метрах от полицейского кордона, где уже собралась небольшая толпа.

Стажер, констебль Салим Рамоутер, стоял с другой стороны натянутой ленты ограждения, на небольшом расстоянии от собравшейся толпы. Он был одет в темно-синий костюм, белую рубашку с галстуком, а еще Хенли обратила внимание на его начищенные до блеска черные ботинки. Он только что присоединился к их подразделению, хотя уже давно пришел в полицию. Однако он все еще выглядел «новичком», который пока по-настоящему не столкнулся с реальностью лондонских улиц. Но это с ним быстро произойдет, если он решил работать детективом в этом городе.

Пеллача сказал Хенли, что за стажировку Рамоутера будет отвечать сержант Пол Стэнфорд. Именно Стэнфорд должен был ему показывать, как вести дела, а не она. Когда Пеллача представлял Рамоутера, сама Хенли обновляла данные в Информационной системе криминальных отчетов – ИСКО, вводила данные по другому делу. Теперь Рамоутер показался ей выше, чем при первой встрече, – почти сто восемьдесят сантиметров. Он носил бородку, и Хенли подумала, что он, наверное, ее отрастил, чтобы казаться старше.

Рамоутер не знал, куда деть руки, – то скрещивал их на груди, то опускал и в конце концов свел их у себя за спиной. Хенли совсем не нравилось, что он выглядит таким неподготов-

ленным и одновременно полным энтузиазма, хотя и сама она не выглядела особо внушительно. На ней были джинсы, кроссовки, футболка с принтом из комикса «Чудо-женщина» и блейзер, который уже неделю валялся в машине на заднем сиденье. В таком виде лучше сидеть в кабинете, а не выступать в роли старшего следователя на месте преступления.

– Доброе утро, инспектор, – Рамоутер протянул руку. Хенли это проигнорировала.

– А где сержант Стэнфорд? – спросила Хенли, показывая свое удостоверение полицейскому в форме, который приподнял для нее ленту ограждения.

– Точно не знаю. Мне велели встретить вас здесь и сообщить, что констебль Иствуд находится на пути к Гринвичскому пирсу вместе с патрульными и криминалистами, – ответил Рамоутер, убирая руку и следуя за Хенли.

Они ненадолго остановились перед домом номер пятнадцать по Нельсон-мьюз. Двое сотрудников отдела криминалистики в синих защитных комбинезонах уже сидели там на корточках, собирая улики. Третий что-то фотографировал на подъездной дороге.

– Ты понимаешь, куда мы идем? – спросила Хенли, когда Рамоутер уже положил руку на створку ворот.

– Да, нам нужно допросить мистера Матея. Правильно?

– Правильно. А после того, как мы с ним закончим, попроси бахилы у кого-нибудь из криминалистов, чтобы по лестнице спускаться уже в них.

От дома номер пятнадцать по Нельсон-мьюз до лестницы Уотергейт-степ было совсем недалеко. Дорога там сужалась, превращаясь в мощеную узкую тропинку. Они шли пешком вдоль муниципального парка. На его краю стояла молодая китаянка с женщиной постарше и разговаривала с полицейским.

– Это Хизер Росицки, – сообщил Рамоутер. – Она нашла...

– Я знаю, что она нашла.

Когда они пошли по переулку, запах реки стал сильнее – затхлая вода из канализации, смешанная с машинным маслом. Хенли слышала, как вода накатывает на покрытый галькой берег. Большая открытая терраса окаймляла стоявший здесь комплекс «Бортвик-Воф», в котором апартаменты с видом на реку соседствовали с торговыми площадями. Он был переоборудован из мясоперерабатывающего завода с огромными холодильными установками и хранилищами.

Энтони Томас, начальник отдела криминалистики, вышел на террасу, натягивая латексные перчатки пурпурного цвета. Хенли ему полностью доверяла: он не пустит никого лишнего на место преступления. Он очень щепетильно относился к работе, отличался требовательностью, но, самое главное, был предан делу.

Хенли не работала с Энтони на местах преступлений целых два года. Из скрытых уголков сознания всплыло воспоминание, туманный образ: Энтони заводит ее в какое-то помещение, где на полу расстелена большая клеенка, и ставит на нее. В помещении работает кондиционер, очень холодно, и руки Хенли покрываются мурашками. Она почти не слышала слов, которые говорил Энтони, пока собирал материал у нее из-под ногтей и расчесывал волосы, ожидая, что какие-то улики упадут прямо ей под ноги. Она чувствовала себя голой и абсолютно незащищенной, пока врач осматривал ее и фиксировал порезы и синяки в карточке. Осознание того, что она сама стала мишенью преступника, жгло ее сильнее, чем рана от удара ножом в живот. Ее учили быть детективом, а не жертвой.

– Не ожидал, что ты, так сказать, выйдешь в свет, – признался Энтони. – Значит, собираешься сама взглянуть?

– Похоже на то, – кивнула Хенли. Она была рада, что Энтони спокойно воспринял ее появление на месте преступления впервые за два года.

– Отлично, будем работать как в старые добрые времена. – Энтони достал несколько пар голубых бахил из коробки, стоявшей у его ног, и вручил их Хенли. – А кто это с тобой?

Хенли представила мужчин друг другу.

– А, новенький. У меня тоже пополнение. – Энтони кивнул на молодого человека, который неподвижно стоял у него за спиной с фотоаппаратом. Он уже облачился в синий комбинезон и застегнул молнию. Его глаза судорожно перескакивали с Хенли на Энтони. – Забавно, правда? – Энтони тяжело вздохнул. – Увидимся на месте.

– Пошли, – бросила Хенли Рамоутеру. – Посмотрим, с чем нам предстоит иметь дело.

Хенли смотрела на покрытый татуировками торс, который торчал из грязных и мутных вод Темзы как минимум на полтора метра. Голову отрезали, оставив небольшую часть шеи, ноги отсекали в районе бедра. Капли воды блестели на белой коже. Эту часть человеческого тела специально поставили между покрытыми мхом ступеньками и гниющими, частично сло-манными досками, которые когда-то составляли часть причала. Наверняка Хенли могла сказать только, что это был белый мужчина, который, судя по татуировкам, увлекался японскими комиксами «Манга», ноги ему отрезали в районе бедренной кости, а руки – по бицепсам. Отделяли их грубо, неаккуратно, ни о какой хирургической точности, как в случае с отпиленными частями тела, которые Хенли видела несколько лет назад, говорить не приходилось. Ее просто парализовало на месте, когда она впервые увидела отрезанные руки, ноги, голову и торс, брошенные под железнодорожным мостом в Льюишеме¹. С тех пор она стала жестче и научилась держать себя в руках.

Ее икры напряглись, когда она села на корточки. Голову отрезали как раз над кадыком. Виднелись небольшие куски костей – впились в дыхательное горло, которое выступало среди обрывков мышц и запекшейся крови. Желтоватый жир и соединительная ткань заставляли думать о сырой курице с отрубленной головой, которую слишком долго не убирали в холодильник. Хенли поднялась на ноги и сделала несколько глубоких вдохов. Ветер принес солоноватый, гнилостный запах реки. Ей не удавалось разделить внутри себя логически мыслящую и закаленную сотрудницу полиции, занимающуюся расследованием преступлений, и искалеченную, все еще окончательно не оправившуюся женщину, которая стояла у кромки воды.

Она отошла от куска человеческого тела и снова стала подниматься по лестнице, ведущей на Уотергейт-стрит. Ей хотелось стряхнуть с себя возникшую тревогу, но от мысли, что этот торс выставили специально для нее, было не отделаться.

Глава 2

– Сколько у нас времени до начала прилива? – спросила Хенли, глядя на реку и на небольшие волны, ударяющиеся об остатки старого причала. Она опустила взгляд на часы. После первого звонка на номер 999² прошло почти два часа.

– Я проверил по интернету: прилив начинается в 9:55, – ответил Рамоутер, обходя наполовину затопленную автомобильную шину и с беспокойством оглядываясь вокруг. – Отлив был в 3:15. Солнце взошло в 6:32. То есть у того, кто это тут оставил, имелось три часа, чтобы все сделать в темноте, а потом надеяться, что кто-то обнаружит тело до того, как начнется прилив.

– Наверное, – согласилась Хенли. – Но мы не знаем точно, когда этот торс тут оставили. Могли и после восхода солнца. А могли и сбросить где-то вверх по реке, и его сюда принесло и выбросило на берег.

¹ Льюишем – спальный район на юго-востоке Лондона. – *Здесь и далее прим. перев.*

² 999 – телефон для обращения за экстренной помощью в Великобритании.

Она посмотрела на стеклянный фасад «Бортвик-Воф», сквозь который виднелись пустующие торговые площади и пространства, которые планировалось сдавать под офисы. Над дверьми, открывавшимися на площадку, камер видеонаблюдения не было. Хенли сомневалась, что местный муниципалитет устанавливал свои камеры в этой части улицы. Им было наплевать на этот район Дептфорда всегда, сколько она себя помнила.

– Его трогали? – спросила она у Энтони, который возник рядом с ней.

– Насколько я понимаю, он именно в том положении, в каком его оставили. Женщина, которая его нашла, его не трогала. Матей, тот строитель, который обнаружил ноги, их тоже не трогал, но, к сожалению, они покрыты его рвотными массами. Перед тем как прийти сюда, я быстренько осмотрел руки, которые нашли ниже по течению. Судя по тому, что я увидел, там уже побывали охотники за сокровищами.

– Хотя бы один всегда находится.

Ветер стих, а воздух слегка потрескивал от электричества, генерируемого расположенной рядом подстанцией.

– Мы ищем улики только по пути от переуллка до оставленного тела, – сообщил Энтони. – Я очень сомневаюсь, что тот, кто все это разбросал по местности, где-то останавливался, чтобы попить кофе.

– Может, он и не пил кофе, но если следовать теории Рамоутера о том, что части тела разбросали специально, получается, что человек, который это сделал, определенно знает реку, – заявила Хенли. – Не будем тебя задерживать. Мы с Рамоутером отправляемся на прогулку.

– И куда мы пойдем? – спросил Рамоутер.

– На встречу с Иствуд.

– Вы хотите идти пешком?

Хенли приложила массу усилий, чтобы скрыть свое раздражение, когда Рамоутер достал телефон.

– Судя по картам Гугл, до Гринвичского пирса отсюда почти полтора километра!

– Наш любитель разбрасывать части тела не единственный, кто хорошо знает эту реку! – крикнул Энтони, когда Хенли уже решительно шагала вдоль берега.

Две одинаковые купольные крыши старого Королевского военно-морского училища выделялись на фоне безоблачного неба, поблескивая позолотой. Голые мачты восстановленного клипера «Катти Сарк»³ завершали исторический панорамный вид, которым славится Гринвич. Это было олицетворение великолепной, «обеленной» версии истории, которое сильно контрастировало с канализацией, выходящей прямо на берег. Хенли остановилась, поняв, что больше не слышит, как кожаные подошвы ботинок Рамоутера скользят по мокрой гальке.

– Ты вообще откуда? – спросила Хенли, пока Рамоутер снимал пиджак и ослаблял узел галстука. Она подошла поближе к покрытой мхом стене, идущей вдоль реки, потому что вода стала прибывать.

– Родился в Вест-Бромвиче. В двенадцать лет переехал в Брэдфорд. – Рамоутер попытался отряхнуть куски грязи, прилипшие к его брюкам, но стало еще хуже – он их размазал. – Много болот, никаких рек. На машине мы бы определенно добрались быстрее.

– Быстрее так. Или, может, тебе нравится по полчаса стоять в пробке, пока поднимают мост на Крик-роуд?

– Вы хорошо знаете этот район?

³ «Катти Сарк» – самый известный и единственный сохранившийся трехмачтовый композитный парусный клипер XIX века. С середины XX века является судном-музеем.

Хенли проигнорировала вопрос. Она не видела смысла сообщать ему, что могла бы пройти по этой дороге с закрытыми глазами. Эта маленькая часть Юго-Восточного Лондона была и частью ее самой.

– Тот, кто сбросил тот торс, шел этой дорогой. Какой смысл приходить сюда, а потом опять подниматься на улицу и ехать до Уотергейт-стрит? А здесь низко, с улицы ничего не видно. Да и освещение тут минимальное.

– Части тела довольно тяжелые, – заметил Рамоутер, ускоряя шаг, чтобы догнать Хенли. – Человеческая голова весит килограмма четыре.

– Я знаю, – ответила Хенли и достала свой мобильный телефон, потому что тот начал звонить. Она посмотрела, кто звонит, и не стала отвечать.

– Голова, туловище, руки, ноги. Получается по крайней мере шесть отдельных частей.

– Я это и без тебя знаю. Что ты хочешь сказать?

Хенли подождала, пока Рамоутер ее догонит, а потом ненавязчиво подвела его поближе к стене, словно вела ребенка.

– Я просто хочу сказать, что это довольно тяжелый груз. Особенно если тащить его на себе в три часа утра.

Рамоутер замолчал и оперся рукой о стену, пытаясь перевести дыхание.

Хенли не стала открыто выражать согласие. Она достала из кармана куртки черную резинку для волос и собрала свои густые черные кудри в хвост. Она забыла, сколько энергии расходуется, когда идешь по этому крутому берегу вдоль реки. А что еще хуже, психологически она была не готова к предстоящей работе, да еще и в компании со стажером, который сейчас с трудом тащился за ней и даже понятия не имел, что она будет выступать старшим следователем по делу впервые за последний год.

– Мрачная картина, правда? – крикнула констебль Роксана Иствуд, когда Хенли наконец добралась до места первой находки. – Доброе утро, Рамоутер. Неплохо для первого рабочего дня, а?

Хенли всегда считала, что Иствуд на самом деле выглядит и ведет себя как самый настоящий детектив. И именно так она смотрелась теперь на берегу реки с засученными рукавами куртки и блокнотом в руке. Она пришла сюда подготовленной – надела джинсы и кроссовки, которые видели и лучшие дни.

– Доброе утро, Исти. Как себя ощущаешь, выйдя наконец из кабинета? – спросила Хенли, переводя взгляд на криминалиста, который упаковывал руку в черный мешок.

– Это мне следовало бы спрашивать об этом тебя, – сказала Иствуд, обеспокоенно глядя на Хенли.

Хенли промолчала, но оценила ее сочувствие и положила руку Иствуд на плечо.

– Но, раз ты спрашиваешь, отвечу: ужасно. Кажется, я сгорела. – Иствуд провела рукой по покрасневшему лбу. – Криминалисты тут скоро закончат. Хотя работы здесь для них мало – положи в мешок да прицепи бирку.

– Где мистер Томас?

– А, наш прославленный охотник за сокровищами. Когда я видела его в последний раз, направлялся к магазину. Сказал, что ему нужно купить воды для собаки. – Иствуд покачала головой, очевидно не веря ни одному слову этого типа. – Я отправила полицейского за ним следить. Не удивлюсь, если этот Томас уже загрузил фотографии своей находки в Инстаграм⁴.

– Я хочу, чтобы его доставили в участок. Рамоутер может допросить его еще раз. – Хенли специально так сказала, чтобы Рамоутер почувствовал: она тут главная и все держит под кон-

⁴ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

тролем. – Если он из тех, кто увлекается мадларкингом⁵, то он должен был прийти сюда с самого раннего утра и ждать, когда начнется отлив. Где именно нашли руки?

– Вон там.

Иствуд опустила на глаза солнечные очки и показала на пенящиеся волны, поднятые проходившим неподалеку речным трамвайчиком. Начался прилив, и знак «Х», отмечавший место находки, уже смыло. Все собравшиеся на берегу чувствовали, что работать нужно быстро, пока река не отвоевала эту территорию назад.

– Еще что-нибудь он сказал?

– Только что нашел вторую руку примерно в метре от первой.

– Он их разбрасывает, как какой-то безумный Гензель – хлебные крошки, – призналась Хенли.

– Ты еще мне будешь говорить! Кстати, пока ты не успела спросить про камеры видеонаблюдения, сообщаю сразу, что их в этом районе полно...

– Но ни одна не направлена на эту часть реки.

– Вот именно.

В кармане у Хенли зазвонил мобильный. Она достала его и ответила на звонок. Разговаривала недолго.

– Это была доктор Лин Чой. Ты с ней пока не пересекался, но это один из наших лучших патологоанатомов. Она только что приехала, – объяснила Хенли Рамоутеру и вытерла пот с шеи.

– Значит, у нас есть две руки, две ноги и туловище, от которого их отрезали, – сказал Рамоутер. – А голова где?

Хороший вопрос. Хенли вспомнила, что находится между двумя точками, где обнаружили части тела. Начальная школа, два детских сада и детская площадка среди высоток и коттеджей. Не хватало еще найти голову в песочнице.

– Можно мне взглянуть? – спросила Хенли одного из криминалистов из отдела Энтони, который только что упаковал руку в мешок и что-то записывал в блокнот.

– Конечно.

Он расстегнул молнию и раскрыл мешок пошире.

– Проклятье, – выругалась Хенли себе под нос. Пульс у нее участился, внутри все свело.

– О-о, – выдавил Рамоутер, заглядывая через плечо Хенли.

К одной из рук прилипли мелкие камушки. Ошметки водорослей перекрывали старые шрамы. А вот вторая рука... Тонкое запястье, безымянный палец длиннее указательного, ногти сломаны. И черная кожа. Хенли вспомнила, что Пеллача сказал ей сегодня чуть раньше, его слова прямо-таки зазвенели у нее в ушах:

«Пока еще рано говорить, принадлежат ли они одному человеку или нескольким».

– Позвони начальнику отдела Пеллаче, – велела Хенли Рамоутеру. – Скажи ему, что у нас, возможно, двое убитых.

Глава 3

Проходящие мимо отделения полиции в Гринвиче люди вполне могли предположить, что оно закрыто. Голубые шторы на окнах фасада здания не поднимали уже три года, а в самом начале подъездной дороги стояли два одиноких оранжевых дорожных конуса, блокирующих подъезд к пустующим местам для парковки. Выцветший указатель перенаправлял потенциал

⁵ Мадларкинг (mudlarking) – поиск безделушек и прочих «сокровищ» на берегу рек. Слово появилось в Лондоне, где много людей занимаются этим на берегу Темзы еще с XVIII века. Происходит от соединения двух слов: mud – грязь и lark – забавляться, резвиться. У нас впервые стало использоваться на Волге.

ных посетителей в отделение полиции в Льюишеме, или, если дело не было срочным, им предлагалось звонить по номеру 101⁶. Проходя мимо, местные жители обычно задумывались, когда же здание наконец снесут и заменят очередной высоткой с очень дорогими квартирами и услугами консьержа для богатых и черным входом для нескольких везунчиков, которым посчастливится получить в этом доме социальное жилье. Но если бы прохожие подняли головы, то заметили бы, что три окна на четвертом этаже открыты и из одного из них на улицу струится сигаретный дым.

Отдел по расследованию серийных преступлений – ОРСП – временно разместили на четвертом этаже этого здания, и находился он там уже шесть лет. Он был создан, когда лондонская полиция переживала лучшие времена, и его начальником назначили комиссара Гарри Раймса, группа которого незадолго до этого с успехом раскрыла дело медсестры Эбигейл Бернли, убившей пятнадцать человек, вместо того чтобы оказать им помощь. Серийные убийцы встречаются не так часто, поэтому отдел занимался также серийными изнасилованиями, кражами, похищениями и особо жестокими преступлениями, за которые не бралась ни одна из двадцати шести групп по расследованию убийств, работающих в Лондоне. Прошло шесть лет, и теперь Бернли отбывала пожизненный срок, Раймса не было в живых уже восемь месяцев, во главе отдела с недостаточным финансированием стоял Пеллача, а Хенли направлялась к нему с мрачным выражением лица, готовясь метать гром и молнии.

– Как ты смеешь? – рявкнула она, не удосужившись придержать дверь в кабинет Пеллачи, и та с грохотом захлопнулась у нее за спиной.

– Ты не считаешь, что ко мне следовало бы обращаться немного более уважительно? Например: «Как ты смеешь, шеф?»

Начальник отдела Стивен Пеллача, куривший у окна, затушил сигарету. Стресс давал о себе знать – работа начальника ОРСП требовала напряжения всех жизненных сил. В его каштановых волосах появилось больше седины, а круги под глазами стали темнее. Эйфория от назначения начальником отдела давно испарилась, а отсутствие Раймса делало атмосферу еще более гнетущей.

– Ты мог бы меня предупредить, перед тем как направлять туда. Мало того, ты еще повесил на меня этого чертова стажера, – сказала Хенли.

– А в чем проблема? У тебя был ограниченный круг обязанностей последние полгода. Я думал, что ты...

– Проблемы не было и нет, – Хенли буквально выплюнула первое слово. – Но это же ты сказал Раймсу, что будет лучше посадить меня за письменный стол!

– И ты с тех пор каждый день стонала и выражала недовольство. – Пеллача прищурил зеленые глаза, мышцы его челюсти натянулись от напряжения. – Послушай, мы ходим кругами, а у меня нет времени с тобой спорить. Уже давно пора начинать собрание. Нужно многое обсудить, а мне потом еще ехать в Скотленд-Ярд.

– До того, как мы начнем... – Хенли запнулась, сделала глубокий вдох и досчитала до трех. – Ты знаешь, кто будет старшим следователем по этому делу? Чем быстрее я введу данные в информационную систему и передам материалы, тем лучше.

– Об этом я как раз и хотел с тобой поговорить, – заявил Пеллача, обойдя Хенли и взявшись за дверную ручку. – Мы не будем никому передавать это дело.

– Что ты хочешь этим сказать? Мы оставляем это дело себе? – недовольным тоном спросила констебль Иствуд, откинув с обгоревшего лба прядь светлых волос. – Я думала, это единственный случай.

– Нет, не единственный, – твердо заявил Пеллача, стараясь не встречаться взглядом с Хенли.

⁶ 101 – телефон для сообщения о случаях, не требующих срочного вмешательства полиции, например кража машины.

ОРСП занимал помещение, которое теперь казалось для них слишком большим. Раньше здесь располагалась также Сыскная полиция и Служба обеспечения общественного порядка. Здание, бывало, сотрясалось от того, что вытворяли подозреваемые в камерах временного содержания на первом этаже. Там проходили старые трубы, по которым они колотили изо всех сил. Теперь в этих камерах можно было скорее найти Стэнфорда, отправившегося поспать. На текущий момент в отделе работали Иствуд, Хенли, сержант Пол Стэнфорд, который сейчас находился на пути в Олд-Бейли⁷, где должен был дать показания по делу о серийном насильнике, и последним присоединился Салим Рамоутер. Возглавлял отдел Пеллача, который теперь редко покидал здание, если только по вызову начальства, которое базировалось в Скотленд-Ярде. В ОРСП работали и гражданские лица: Эзра – успевший посидеть в тюрьме гениальный компьютерщик двадцати трех лет, которого Пеллача взял под свое крыло, и Джоанна. Никто не знал, сколько лет Джоанна трудится в различных полицейских участках в юго-восточной части Лондона. Также никто не представлял, сколько ей лет, но все соглашались, что Джоанна точно знает, где зарыты все трупы и сколько скелетов хранится в шкафах лондонской полиции.

– Мы и так перегружены, – напомнила Иствуд. – Я лично уже одиннадцать дней работаю без выходных. И мы лишились Стэнфорда на неделю.

– Ты говоришь очевидные вещи, Исти.

– А когда я в последний раз проверяла, сколько дел у нас в работе, оказалось, что их шесть и...

– Семь, – поправила Джоанна, заходя в кабинет с большой картонной коробкой, в которой лежали завтраки для сотрудников отдела. Они заказывали их в кафе на другой стороне улицы. Джоанна поставила коробку на стол Иствуд. – Семь, если включать дело, по которому мы консультируем полицию Темз-Валли⁸, – произнося это, она подняла руку и начертила в воздухе большой вопросительный знак.

Хенли заметила, как Пеллача прикусил язык, а Иствуд закатила глаза.

– Послушайте меня. Вам это может не нравиться, но факт остается фактом. Ни один другой отдел по расследованию убийств не способен справиться с этим делом. Расследование будем вести мы. Ясно? – Пеллача обвел всех взглядом.

– Абсолютно, – покачала головой Иствуд.

Пеллача перевел взгляд на Хенли, словно бросая ей вызов. Оспорит ли она решение, которое он только что принял?

– Поскольку Стэнфорд застрял в суде, я решил, что по этому делу с отрезанными конечностями с Хенли и дальше будет работать Рамоутер.

– Разделяешь близнецов? – воскликнула Джоанна, изобразив крайнее удивление.

– Полагаю, Стэнфорд не обидится из-за того, что больше не будет наставником Рамоутера и окажется временно разделенным с Хенли.

– Полагает он, – сказала Джоанна, доставая бутерброд с колбасой из коробки. – Рамоутер, я должна тебя предупредить. Это закадычные друзья. Неразлейвода! Стэнфорд – брат Хенли, они с ним...

– Хватит, Джоанна, – перебил Пеллача. – Давайте двигаться дальше.

Хенли мысленно перебирала все, что должна была сделать. Когда она находилась на месте преступления, срабатывала мышечная память. Осмотри окрестности, отметь знакомые и незнакомые вещи, то, что вписывается в картину, и то, что не вписывается. Рассматривай все как улики. Представь очередность событий. Сохраняй и защищай. Внешне она казалась

⁷ Олд-Бейли – традиционное название Центрального уголовного суда в Лондоне.

⁸ Полиция Темз-Валли (или долины Темзы) – территориальное отделение полиции Великобритании в графствах Бакин-гемшир, Беркшир и Оксфордшир.

спокойной и собранной, но внутри у нее все бурлило. Сердце было готово выскочить из груди, в животе все сжималось и скручивалось в узел.

На столе начал вибрировать телефон Хенли. Ей стало дурно после того, как она прочитала сообщение от своего брата Саймона:

«Только что был у папы. Не пустил меня. Позвоню после работы. х⁹».

– Так, давайте теперь обсудим это речное дело, – продолжал говорить Пеллача. – Потенциально у нас две жертвы?

– Не потенциально. *Фактически* у нас две жертвы, – поправила Хенли и начала набирать ответ брату. – Туловище, ноги и одна рука принадлежат белому мужчине. Вторая рука принадлежит чернокожей женщине, хотя пол еще не подтвержден окончательно.

Телефон Хенли во второй раз завибрировал на столе. Она взяла его.

– Никаких других частей тел не нашли?

– Криминалисты нашли голову белого мужчины в мусорном контейнере перед домом номер пятнадцать по Нельсон-мьюз, – ответила Хенли. – Кстати, мне только что пришло сообщение от Лин. Конечности доставили в морг.

– Две жертвы, черт побери, – выругался Пеллача. – Хотя ведь никогда не знаешь, как все пойдет. Вполне может оказаться, что расследование этого дела получится не таким уж и сложным и мы быстро и легко со всем разберемся.

Хенли не стала отвечать, а просто подхватила свою сумку и ушла. Все нервные окончания в ее теле говорили ей, что Пеллача верит в это еще меньше, чем она сама.

Глава 4

Здание, куда свозили трупы, находилось в пешей досягаемости от отделения полиции, совсем рядом с главной улицей, на которой старые кафе, пабы и агентства по недвижимости уступили место роскошным новым гостиницам, высоткам с непомерными ценами на квартиры и круглосуточному фитнес-центру. Морг прекрасно вписывался в ряд домов в георгианском стиле¹⁰ и никак не выделялся. На этой тихой улице имелись и другие муниципальные здания. Теперь Хенли не чувствовала себя не на своем месте – она наконец надела свою форму темно-синего цвета. В форме она совершенно точно выглядела облеченным властью лицом, даже несмотря на то, что не переобулась и осталась в черных кроссовках «Адидас».

– «Гринвичский государственный морг», – прочитал название на стене Рамоутер, допивая кофе. – Звучит так, будто там находится библиотека. Словно можно просто зайти, показать удостоверение, сесть на стул и понаблюдать за тем, как проходит вскрытие.

– Тебе сколько осталось? – спросила Хенли.

– В смысле? – Рамоутер ждал, когда Хенли справится с детской блокировкой на дверце.

– Стажироваться тебе еще сколько?

– На самом деле вы хотите спросить, сколько вам еще меня терпеть? – Улыбка быстро исчезла с гладкого смуглого лица Рамоутера: он увидел, что Хенли не улыбается. – Осталось четыре месяца. – Он потер свою бородку. – Но я полгода работал в Отделе по расследованию убийств и уголовных преступлений. Это была хорошая, серьезная работа, но мне хотелось чего-то более интересного и перспективного, а в полиции Западного Йоркшира нет ничего похожего на ОРСП.

⁹ Буква «х» в конце сообщения (СМС) в Великобритании и США означает «целую, обнимаю».

¹⁰ Георгианская архитектура – стиль, характерный для Георгианской эпохи, которая охватывает правление четырех Георгов – Георга I, Георга II, Георга III и Георга IV. Термин обычно используется как общее обозначение английской архитектуры XVIII века.

Хенли почувствовала симпатию к этому молодому человеку, ведь, в конце концов, он не виноват, что его приставили к ней. Но это быстро прошло.

– Да, дела в нашем отделе ведутся не так, как в других местах. Сегодняшний случай – исключение. Мы очень редко вот так, сразу, начинаем работу. Обычно нам передают дела, когда становится ясно, что речь идет о серийном убийце или насильнике. Предварительное расследование, которым мы сейчас занимаемся, как правило, уже проведено, когда мы включаемся в работу.

– Но это же не все, чем занимается отдел, – заметил Рамоутер, следуя за Хенли к стоящему посреди двора одинокому зданию. – Ведь несколько лет назад было дело о серийном похищении людей, торговле людьми, а потом дело об убийце с пилой.

Хенли поморщилась, мышцы на ее шее напряглись. *Дело об убийце с пилой.* Оно изменило все. Ее хвалили коллеги, ее хвалил комиссар, ее повысили в звании – она стала инспектором полиции. Но то дело забрало часть ее.

– Вероятно, это была потрясающе интересная работа, – продолжал Рамоутер. – Именно после того дела я захотел перейти в ваш отдел. Поэтому... Ну, это послужило одной из причин моего переезда в Лондон.

Хенли повернулась и посмотрела на Рамоутера. Хотя она и знала, что он нервничает, нельзя было не увидеть знакомое возбуждение в его глазах.

– Не позволяй СМИ пустить тебе пыль в глаза. Нашему отделу не хватает ни людей, ни финансирования. Я вообще удивлена, что на твой переход дали добро. В самом обычном отделе по раскрытию убийств по делу может работать до ста человек, от начальника до привлекаемых к расследованию гражданских лиц. И это не будет чем-то из ряда вон выходящим. Но в ОРСП есть только мы, и нам частенько приходится просить об одолжениях. Блеску тут мало, хвалят редко и об успехах быстро забывают.

Хенли повернулась к нему спиной, набрала код на двери, который вроде бы не должна была знать, и толкнула ее.

Старший патологоанатом Лин Чой сидела за своим письменным столом спиной к двери и обедала. Ее длинные черные волосы были собраны на макушке и закреплены шариковой ручкой – похоже, не очень надежно. Она качала головой в такт драм-н-бэйсу, который стучал из стоявших на ее столе отличных беспроводных колонок. Хенли познакомилась с Лин пятнадцать лет назад, когда они обе только начинали работать и чувствовали себя ужасными профанами – каждая в своем деле. Со временем их дружба окрепла. Хенли постучала Лин по плечу.

– Боже праведный! – Лин вскочила со стула. Горячее куриное крылышко выпало из ее руки назад в коробку. – Ты так меня до сердечного приступа доведешь!

– Вспоминаешь свою бурную молодость? – спросила Хенли с улыбкой.

– Ты хотела сказать «нашу» бурную молодость. Ты рейвы любила не меньше меня. Вот нашла сборник у себя дома. Надо будет тебе переслать. – Лин снизила громкость на ноутбуке. – Ты не говорила мне, что возвращаешься. Я услышала новость от Энтони.

– Попозже об этом поговорим, – сказала Хенли.

– У тебя новый напарник? А что об этом думает Стэнфорд?

– Это стажер, констебль Салим Рамоутер, и он не мой напарник, – Хенли отступила в сторону, чтобы позволить Рамоутеру сделать шаг вперед. – Я его наставница. Он только что перевелся к нам из полиции Западного Йоркшира.

– О, понятно. Лучшего наставника, чем инспектор Хенли, ты бы найти не смог. Учиться лучше всего у нее, – сказала Лин, вставая со стула. Она вытерла руку антибактериальной салфеткой и протянула ее Рамоутеру. – Рада познакомиться. Доктор Лин Чой.

Она училась в частной школе, потом окончила Кембриджский университет, хотя об этом сложно было догадаться по ее густому лондонскому говору. Лин опустила очки, которые до этого были подняты на макушку.

– Я только что закончила предварительный осмотр мужчины, которого мне от вас привезли, но давайте я вам вначале расскажу про руку. Много выяснить не удалось, потому что материала мало. Хорошо было бы получить еще голову, ноги, туловище и вторую руку.

– А что ты все-таки можешь нам сказать? – спросила Хенли.

Лин пожала плечами.

– Чернокожая женщина. Вероятно, двадцати с чем-то лет. Это все, что я могу сообщить, пока не найдете другие ее части.

Хенли и Рамоутер вышли вслед за Лин из ее кабинета и направились в зал, где проводились вскрытия. По виду он напоминал операционную в больнице. Здесь было холодно. У ближайшей стены возвышался ряд металлических шкафов, в которых временно хранились трупы, у противоположной стояли три глубокие раковины, в углу был холодильник, в центре – четыре металлических стола, на которых производились вскрытия. Помощница Лин Тереза работала с телом за дальним столом, слушая музыку в наушниках. У Хенли защипало в носу от использовавшегося в морге антисептика и кислого запаха человеческих биологических жидкостей.

Тереза вставила хирургический экспандер в грудь трупа.

– Это был двадцатитрехлетний бодибилдер, – сообщила Лин, качая головой. – Сердечный приступ. Рухнул прямо в спортзале. Мне не нужны никакие анализы, никакой скрининг, чтобы сказать, что он накачан стероидами.

Хенли показалось, что кто-то наступил на разбитое стекло. На самом деле этот звук означал, что Тереза вскрыла грудь бодибилдера. Рамоутер сделал шаг назад.

– Туалет – вторая дверь слева, – подсказала Лин шутливым тоном, когда Рамоутер развернулся и бросился вон из зала.

– Простите, – буркнул Рамоутер, вернувшись через несколько минут. Судя по выражению лица, ему было стыдно.

– Все в порядке. Ты не первый и не последний, – успокоила его Лин. – Готовы?

Хенли кивнула, и Лин сняла со стола большой лист пластика, которым были прикрыты части тела, обнаруженные на берегу реки и на подъездной дороге к дому номер пятнадцать по Нельсон-мьюз. Теперь они лежали на столе, словно части кровавой картинка-загадки, которую наконец собрали полностью. У Хенли слегка закружилась голова. Она сделала шаг назад и попыталась успокоиться.

– Ты можешь назвать нам время смерти? – спросила Хенли, стараясь, чтобы в ее голосе не звучала нервная дрожь.

– Только примерно, – ответил Лин. – Он умер в период от двадцати четырех до тридцати шести часов назад.

Хенли постаралась повнимательнее рассмотреть татуировку на теле.

– Это сцена из «Стального алхимика», – пояснила Лин. Судя по голосу, она была очень довольна собой. – Это японский комикс «Манга», если не знаете. Он появился задолго до того, как ты пришел в полицию¹¹, – сказала она, обращаясь к Рамоутеру. – А на спине у него Кен из «Кулака Полярной звезды».

– Что ты можешь сказать про расчленение? До или после смерти? – спросила Хенли, медленно обходя стол и рассматривая части тела со всех сторон и стараясь не упустить ни одной детали. У нее в кармане вибрировал мобильный телефон, но она не обращала на него внимания.

¹¹ «Стальной алхимик» публиковался в период с 2001 по 2010 г.

– И так, и так, – ответила Лин, переходя к верхней части стола. – Правую руку и левую ногу отрезали первыми. Вот сюда взгляни, – она показала на место, где левую ногу отделили от туловища. – Кровь начала свертываться. Смерть наступила в течение четырех минут.

Лин повернула нижнюю часть туловища к Хенли, указав на кость и мясо на остатках правой ноги.

– А вот здесь практически нет свернувшейся крови. Значит, убийца начал отделять эту конечность через четыре часа после смерти. На груди интересная колотая рана, прямо над сердцем. Нанесена при жизни. Узнаю больше после того, как проведу вскрытие. Хотя одно могу тебе сказать прямо сейчас. Работа дерьмовая – разрезали его с трудом. Вот сюда посмотри. – Лин показала пальцем в перчатке на два неровных разреза на правом плече. – Было предпринято по крайней мере две попытки, перед тем как наконец получилось отделить руку. Такое впечатление, что человек, который это сделал, никогда раньше не держал в руках «Блэк энд Декер».

– А это была пила «Блэк энд Декер»? – спросил Рамоутер. Он стоял примерно в метре от стола, спиной к раковинам.

– Понятия не имею. Надо спросить у какого-нибудь народного умельца. – В глазах Лин заплясали смешинки, когда она выпрямляла правую ногу трупа. – Но есть и кое-что более важное. Вот сюда посмотрите.

Лин взяла голову и повернула ее к Хенли, после чего раскрыла пальцами рот, потянув нижнюю челюсть вниз.

– Рамоутер, возьми вон там фонарик, – велела она. – У меня не сто рук.

Рамоутер взял маленький фонарик-ручку серебристого цвета и подошел к столу.

– Давай, не робей. Посвети внутрь.

Рамоутер сделал, как ему велели: посветил фонариком в открытый рот.

– Э-э-э... А язык где? – спросил он.

Хенли заставила себя взять фонарик из руки Рамоутера и сама направила луч в рот, к задней части неба. Рот был заполнен запекшейся кровью, и она увидела остатки поперечно-полостной мышцы в основании языка, но сам язык отсутствовал.

– Как? – только и выдавила из себя Хенли.

– Его отрезали, – ответила Лин. – Очень ровный разрез. Это можно сделать только очень острым ножом для мяса или скальпелем.

– Но ведь отрезать язык не так-то просто? – Хенли пошевелила собственным языком во рту, чувствуя, как натягивается подъязычная мышца.

– Пока человек жив? Невероятно трудно. Поэтому я бы не удивилась, если бы язык отрезали после смерти, но дело обстоит совсем не так.

– погоди! Он был еще жив, когда ему отрезали язык?

Лин кивнула.

– Схватить человека за язык, пока он жив, крайне трудно, а тут еще разрез ровный. Хирургический! Я думаю, что человек был без сознания. Есть еще кое-что. Взгляните на его ноги и скажите мне, не заметили ли чего любопытного.

Хенли нагнулась пониже. Икру правой ноги покрывали мелкие песчинки, кусочки водорослей и засохшие рвотные массы. Она была мускулистой и волосатой – на ней росли тонкие светло-коричневые волосы. Левая нога выглядела точно так же, но на лодыжке оказалась полоска шириной сантиметров в пять, кожа на которой была бледнее со всех сторон.

– Он носил электронный браслет? – спросила Хенли.

– Думаю, да, – ответила Лин. – Вот сюда посмотри. – Лин повернула ногу, чтобы Хенли могла осмотреть ее со всех сторон и увидеть еще один бледный участок, размером не больше коробка спичек. – На нем определенно был электронный браслет для отслеживания перемеще-

ний. Хорошо бы получить данные из компаний, занимающихся мониторингом. Уверена, что размеры совпадут.

– Значит, его по приказу суда освободили из-под стражи и он должен был соблюдать комендантский час? – уточнил Рамоутер. – Это поможет нам продвинуться дальше. Наверное, можно узнать, кто в последние дни нарушал постановление суда.

– Ты представляешь, какое количество людей ходит с электронными браслетами? – спросила Хенли.

– Удачи, – только и сказала Лин. – Я взяла кровь, мочу на анализ, отправила сегодня утром. В лаборатории проведут все обычные исследования. Будем надеяться, что к концу недели смогу сообщить вам побольше информации. А у вас уже есть имя, фамилия? Как-то неуважительно называть его... ну, то от него оставшееся, что сейчас лежит перед нами на столе... «человеком с Мангой».

Хенли достала телефон из кармана. Он уже неоднократно подавал сигналы, сообщая, что пришли сообщения. Она прочитала последнее. Его прислал Энтони Томас, который проверил отпечатки пальцев отрезанной руки по полицейской базе данных.

– Вообще-то есть, – сообщила Хенли. – Познакомьтесь с Дэниелом Кеннеди.

Глава 5

Рамоутер вошел в квартиру почти в восемь вечера, снял ботинки, на которых так и оставались куски засохшей грязи, и оставил их на коврик у двери. Прошло четыре дня после того, как он сюда переехал. В квартире стоял не его запах. В ней все еще пахло освежителем воздуха и отбеливателем. Гостиная соединялась с кухней, окна выходили в разные стороны. И в гостиной, и в кухне все еще стояли нераспакованные коробки. Он включил себе радио для компании, достал из холодильника коробку готовой еды, снял с нее картонную упаковку, проткнул вилкой туго натянутый пластик и поставил разогреваться.

Через несколько минут Рамоутер отодвинул остатки безвкусных спагетти карбонара и взял свой айфон.

– О, мы ожидали, что ты позвонишь раньше. Мы как раз собираемся ужинать, – заявила Памела, отходя от камеры.

Как и всегда, макияж у нее был идеальным, и ни один мускул на ее лице не дернулся, пока она говорила. Она была одета в дорожную форму для занятий йогой, хотя Рамоутер точно знал: Памела понятия не имеет, что такое «собака мордой вниз»¹², и, вероятно, думает, что шавасана – это сорт чая.

– Прости, я не представлял, сколько времени мне потребуется, чтобы добраться из отделения до квартиры. Движение на Южной кольцевой...

– Может, завтра уйдешь с работы вовремя. Четкий распорядок дня очень важен.

Рамоутер прикусил язык, чтобы не сказать: «Расследование убийств – это не работа с девяти до пяти».

– Где Мишель? Я пытался связаться с ней через ФейсТайм, но она не ответила.

– Наверное, снова забыла зарядить телефон, но она наверху. Они оба наверху. Она была какой-то уставшей. Я скоро собираюсь уходить – мальчиков надо забирать из футбольной секции. Я отнесу ей свой айпад.

Памела вошла к Мишель, которая сидела на краешке кровати. Спальня была отражением гостиной Рамоутера: чемоданы и коробки занимали большую часть комнаты. Он улыбнулся про себя.

¹² Собака мордой вниз – одна из самых известных асан в йоге.

– Мишель, дорогая! – сказал Рамоутер. – Ты в порядке, любимая? Где Итан? Как прошел его первый день в школе? Я по тебе скучаю.

– Итан уже спит, – ответила Мишель, пристраивая айпад на прикроватной тумбочке. – Он невероятно устал после первого дня в школе. Я сделала для тебя кучу фотографий.

– Я знаю. Помнишь, ты послала мне их сегодня утром?

У Рамоутера все внутри упало, когда он увидел замешательство на лице Мишель. Ранняя деменция в тридцать шесть лет. Редкая наследственная форма болезни Альцгеймера, как это назвал специалист. Ее отец умер в пятьдесят восемь, но остальные родственники надеялись, что, может быть, пары поколений болезнь не коснется. Рамоутер получил подтверждение перевода в ОРСП за две недели до того, как Мишель поставили диагноз. Они нашли квартиру в Форест-Хилл¹³, школу для Итана, и Мишель уже договорилась о собеседовании, чтобы устроиться на новую работу, но диагноз изменил все. Старшая сестра Мишель Памела заявила, что ее сестре нужна стабильность, а переезд в неизвестный город, разрыв с семьей и друзьями только ухудшит состояние ее здоровья. Рамоутер не мог с этим спорить. У него в папке «Черновики» все еще хранилось письмо – отказ от перехода в ОРСП. Он был готов его отправить, но Мишель сказала: «Нет». Такая возможность представляется раз в жизни. Она не хотела, чтобы он потом жалел о том, что ее упустил. И винил в этом ее.

– Как прошел твой день? – спросил Рамоутер.

– Нормально прошел. Памела пригласила меня на обед, чтобы познакомиться со своими друзьями. Тебе бы они не понравились. А твой день как прошел?

– Хорошо. Я попал в отличный коллектив, и меня сделали напарником Анжелики Хенли, мы вместе расследуем одно дело. Ты помнишь ее? Я тебе про нее рассказывал.

– Инспектор?

– Да, все правильно. Инспектор, – радостно ответил Рамоутер.

– Какая она?

– Она... Э-э-э... Сильная. Умная. Не думаю, что она была счастлива получить меня в нагрузку, но ведь это только начало.

– Хм. Итан хотел дождаться твоего звонка, чтобы рассказать тебе, как прошел его день в школе...

Рамоутер смотрел на лицо Мишель на экране, и ему было невыносимо грустно. Она опять отвлеклась. Он видел это по ее глазам. Она смотрела на него и явно пыталась что-то вспомнить и не дать воспоминаниям ускользнуть. А он не мог больше на нее смотреть, отвернул телефон и положил его экраном вниз на кухонный стол. Не надо было ему слушать Мишель, когда она сказала, что все будет в порядке и что он должен переехать в Лондон. Ему следовало остаться рядом с женой, как настоящему мужчине, а он вместо этого сбежал при первой же возможности. Чувство вины тяжелым грузом давило ему на плечи, оно было таким же знакомым, как костюм, в котором он ходил на работу. Он злился на Мишель и на ее болезнь. И его душило чувство вины и стыда из-за того, что он злился.

– Прости, – сказал Рамоутер, снова поднимая телефон. – В этой квартире не очень хороший сигнал.

– Прекрати, – сказала Мишель.

В такие минуты, когда ее сознание полностью прояснялось, Рамоутер чувствовал себя еще хуже. Его глаза наполнились слезами, когда Мишель посмотрела на него с экрана ясным и напряженным взглядом. Но она его очень хорошо знала и умела на него повлиять.

– Мы оба приняли это решение. Мы же договорились! – напомнила она.

– Да. Я просто скучаю по тебе и Итану. В этом все дело, – ответил Рамоутер, вытирая слезы.

¹³ Форест-Хилл – район на юго-востоке Лондона.

- Все будет хорошо. С нами все хорошо, – твердо заявила Мишель.
 - Я знаю. Я поработаю над собой.
 - Вот и отлично. А теперь давай я тебе расскажу про то, как прошел обед с подругами Памелы. Они все сумасшедшие. Знаешь, я с нетерпением жду того дня, когда их забуду.
- При виде улыбающейся Мишель Рамоутер рассмеялся. Чувство вины никуда не ушло, но весь следующий час, пока он разговаривал с ней, груз не казался таким тяжелым.

Глава 6

Хенли знала, что мусор не для переработки забирают около одиннадцати утра. Она поставила пакеты из магазина и посмотрела на часы: 20:26. Синий мусорный контейнер блокировал ворота. Отец, вероятно, целый день не выходил из дома.

Хенли отодвинула контейнер в сторону и открыла ворота. Она зацепилась курткой за шипы на разросшемся розовом кусте, когда шла по дорожке. Сорняки пробивались сквозь трещины в плитах, которыми она была выложена.

– Какого черта? – воскликнула Хенли, когда не смогла повернуть ключ от входной двери против часовой стрелки.

Это был тот же ключ, который вот уже пять лет висел на брелке с синей картой лояльности «Теско»¹⁴. Хенли снова вставила ключ. Он упорно отказывался поворачиваться.

– Папа, ради всего святого!

Хенли нагнулась и крикнула в прорезь почтового ящика:

– Папа, это я, Анжелика. Открой дверь.

Она села на пятки, держась пальцами за почтовый ящик.

– Папа, подойди сюда. Просто... Пожалуйста. Я хочу посмотреть, все ли с тобой в порядке.

– Со мной все прекрасно. Уходи.

– Не уйду, пока не откроешь дверь. Я привезла тебе продукты.

– Оставь под дверью.

– Папа. Пожалуйста. Дай мне на тебя посмотреть. Обещаю, что не стану заходить в дом.

Хенли смотрела в прорезь почтового ящика и видела, как к двери приближаются ноги отца в выцветших серых спортивных штанах. Входная дверь наконец открылась.

– Папа, тебе нужно подстричься.

Это было единственным, что смогла сказать Хенли, потому что все у нее внутри сжалось. Она не видела своего отца Элайджа почти три недели, и его вид ее потряс. Он похудел. Кожа на шее как-то странно скукожилась, напоминая смятый платок. Вскоре шок сменился страхом, который чувствуют дети, понимая, что родители уже одной ногой в могиле.

Элайджа провел руками по волосам, в которых теперь было больше белого, чем седого. Его волосы выцвели еще сильнее, чем раньше, и торчали короткими неухоженными кудрями в разные стороны.

– Сегодня утром заезжал Саймон. – Хенли опустила ладонь на руку отца. Он тут же ее отдернул. – Почему ты не хотел его видеть? – мягко спросила она.

– Я не хочу видеть никого из вас.

– Папа! Позволь нам тебе помочь.

– Мне не нужна ваша помощь. Со мной все в порядке.

– Почему ты поменял замок?

– Чтобы ты и твой брат не заявлялись сюда, когда вам заблагорассудится. Я не ребенок.

¹⁴ «Tesco» – крупнейшая розничная сеть Великобритании. Карта лояльности может быть в виде брелока, чтобы носить на одном кольце с ключами.

- Никто и не говорит, что ты ребенок. Мы просто о тебе беспокоимся.
- Ну, со мной все в порядке. Ты меня увидела. Теперь можешь идти.
- Папа... Не надо... Ты можешь впустить меня по крайней мере на минуту?
- Я же сказал: нет!
- Хорошо. Хорошо. – Хенли ухватилась за косяк двери. – Я не буду заходить. Вот, возьми.

Она подняла пакеты из магазина и протолкнула их внутрь – дверь была раскрыта не полностью.

– Я понятия не имею, что у тебя в холодильнике. Ты вполне можешь питаться одними крекерами и сардинами, я-то знаю, – со злобой произнесла она. – Я купила самое основное: яйца, хлеб, ветчину, курицу и печенье с глазурью. Я знаю, что ты его любишь и...

Элайджа потянул пакеты на себя.

– Черт побери! – выругалась Хенли, когда дверь захлопнулась прямо у нее перед носом.

– Четырнадцать часов, – произнес Роб, не поднимая головы от ноутбука.

Он сидел за кухонным столом, временно превратив это место в свой офис, пока строители завершали работу в сарае за домом. Тогда он пойдет работать туда. Он специализировался на финансовой журналистике и выбрал удаленную работу, вместо того чтобы попасть под сокращение и просто положить причитающуюся ему выплату на банковский счет. Раз в неделю он выходил из дома, чтобы отправиться на Олд-стрит и почтить своим присутствием студию одного бизнес-канала, где участвовал в обсуждении главных финансовых новостей. Подобное положение дел устраивало и Роба, и Хенли, но он все равно хотел, чтобы она была дома. Луна, смесь восточноевропейской овчарки, лабрадора и еще кого-то, спала под столом. Застекленные створчатые двери на улицу были открыты, но дневная духота все еще висела в воздухе, вместе с запахами жасмина и жимолости, растущих в саду. Но эти приятные ночные ароматы конца лета не могли перебить вонь разлагающейся плоти, которая преследовала Хенли с тех самых пор, как она увидела туловище с отрезанными конечностями на ступенях Уотергейт-степс.

– Ты ушла из дома утром в начале восьмого, а возвращаешься в двадцать одну минуту десятого.

– Роб, у меня был очень трудный день...

– У тебя был трудный день? Мне пришлось забирать Эмму из детского сада, потому что ей стало плохо.

– Я послала тебе сообщение, спрашивала, как она себя чувствует.

– Ей не нужно твое сообщение. Ей нужна мать.

– Давай без этого, – сказала Хенли, ставя сумку на столешницу и направляясь к холодильнику.

Роб не был настолько эгоистом, чтобы готовить только для себя. Хенли достала тарелку от «Пирекс»¹⁵, покрытую пищевой пленкой. На ней лежала курица, тушенная в чесноке и меде, с рисом и брокколи. Она убрала тарелку назад и закрыла дверцу холодильника. Вначале ей нужно было принять душ и смыть с себя другую пленку – тонкую пленку смерти, которая, как ей казалось, покрывала все ее тело, а также запах неудачи, который преследовал ее с той минуты, как она вышла из дома отца. Она задумалась, сможет ли Роб почувствовать, что она снова взялась за расследования.

– Я заезжала к отцу, – сообщила Хенли.

– О-о, – выражение лица Роба немного смягчилось. – И как он?

– Плохо. Он отказался впустить меня в дом.

– Это совсем не здорово. И что ты собираешься делать?

¹⁵ «Ругех» – бренд для линии прозрачного боросиликатного стекла с низким тепловым расширением, которое используется для изготовления кухонной посуды.

– Не знаю. – Хенли снова открыла дверцу холодильника и достала бутылку вина. – Придется поговорить с Саймоном, но... Не знаю.

– Послушай, я в курсе, что у тебя проблемы с отцом, но ты могла хотя бы позвонить и предупредить, что будешь поздно. И было бы неплохо, если бы ты извинилась.

– За что? – спросила Хенли, доставая винный бокал из серванта. – За то, что ездила проведать отца?

– Нет, конечно, нет. Я только хотел сказать...

– Ты хочешь, чтобы я извинялась за то, что хожу на работу? Я *должна* работать, Роб. Один из нас должен иметь постоянную работу.

Хенли пожалела, что сказала это, как только слова вылетели у нее изо рта.

– И что дальше? Я просто сижу дома, эдакий домохозяин – приглядываю за нашим ребенком и варю варенье, пока ты на работе.

– Ты прекрасно понимаешь, что я имела в виду. Я знаю, что ты делаешь, и... ценю это. Я знаю, как ты стараешься. Но мы ходим кругами, обсуждая это.

– *Ценишь?* – Роб впервые посмотрел на Хенли после того, как она вошла в кухню. Он снял очки и потер переносицу там, где от них остались следы. – Я не один из твоих коллег. Я твой муж. Я не хочу, чтобы ты меня *ценила*. Я хочу, чтобы ты понимала, что я тебе говорю. И говорю давно.

– Ты хочешь, чтобы я прекратила работать. Отказалась от работы и...

– Ты знаешь, что я говорю не это. Я не хочу, чтобы ты вообще прекращала работать. Я только хочу, чтобы ты нашла другую работу. Чудо, что Эмма вообще знает, как ты выглядишь.

– Что за чушь ты несешь?! Ты ведешь себя так, будто я ее бросила. Я хожу на работу и выполняю свои обязанности, чтобы этот мир стал хоть немного безопаснее для нее.

– Сидя за письменным столом? Как это помогает Эмме? Твои обязанности ограничены кабинетной работой. Ты не выезжаешь на места преступлений, не ловишь насильников и убийц голыми руками. Я иногда задумываюсь об истинных причинах, которые удерживают тебя на работе. Почему ты не увольняешься?

Ножки стула, на котором сидел Роб, закрипели, проехав по плиткам пола, когда он встал. Хенли ждала старых обвинений в предательстве, которые Роб уже столько раз бросал ей в лицо.

– Я не хочу с тобой спорить, Роб. О работе не хочу спорить. Не хочу начинать все сначала. Хотя я знаю, что поговорить нужно.

– Вот в этом-то все и дело. Ты всегда все знаешь, но удосужилась ли ты потратить время, чтобы сесть и поговорить со мной? Ты поставила наши жизни на паузу, и ради чего? Почему? В прошлом году на Рождество ты говорила мне, что все изменится, но ничего не изменилось. Мы все там же. На том же самом месте.

Роб схватил со стола зажигалку и папиросную бумагу.

– Я собираюсь прогуляться с Луной. Вернусь через полчаса.

Входная дверь с грохотом захлопнулась, а Хенли, которая до сих пор сдерживалась, издала глубокий вздох. Ей следует сказать ему сейчас. Сказать ему, что она опять работает «на земле». Что она больше не сидит за письменным столом, никаких ограничений больше нет. Пеллача опять позволил ей выйти на улицы Лондона. И их жизнь снова перевернется с ног на голову. Но пока Хенли отправилась на верхний этаж в спальню дочери. Эмма лежала на кровати, раскинув в стороны ручки и ножки. У Хенли возник соблазн разбудить ее, только чтобы услышать, как она говорит «мамочка». Но вместо этого она поцеловала дочь в макушку. От Эммы пахло кокосовым маслом и детской присыпкой. Эмма была единственной, в ком она видела только хорошее.

Хенли села на край кровати и упала на спину, туго затянутое у нее на груди полотенце разматалось. Она приняла душ, но не чувствовала себя чистой. Расследование уже вьелось в

ее поры. Хенли закрыла глаза и провела пальцами по телу, пока они не коснулись знакомого шрама. По ощущениям кожа на этом месте казалась утолщенной и рыхлой. Целых пять сантиметров на правом боку. Второй шрам располагался примерно на семь с половиной сантиметров выше и был более плоским. Нож чуть не задел печень, а если бы вошел в ее тело немного ниже, то она потеряла бы ребенка, которого носила, даже не зная этого. Прошло два с половиной года, но она до сих пор помнила, как раскаленная сталь пронзила ее кожу и вошла в плоть. Она плотно зажмурила глаза. Хенли увидела перед собой расчлененное тело Дэниела Кеннеди, сделала глубокий вдох. Хоть она и митинговала против того, что ее назначили старшим следователем по делу об убийстве, но сама она не могла игнорировать то возбуждение, которое испытывала, – как будто электрический разряд пробежал по ее телу. Смерть была ее адреналином, и это ее пугало.

Когда она прохаживалась вдоль берега и осматривала труп, она снова испытала ощущение, что у нее есть какая-то цель. Но еще она почувствовала, как натянулись сухожилия в ее руках и задрожали пальцы. Ее тело говорило ей, что что-то не так. Хенли потрясла головой, чтобы заставить замолчать внутренний голос. Этот голос звучал чуть громче, чем шепот, но говорил настойчиво: «Приближается буря, а ты к ней не готова».

Глава 7

Правила, установленные в блоке строгого режима в тюрьме Белмарш, к нему не относились. Двери камер, в которых содержались преступники категории «А»¹⁶, считавшиеся опасными даже для других обитателей тюрьмы, не открывались до восьми утра. Питер Оливер, заключенный номер А0743ТР, вышел из своей камеры в половине седьмого утра. Он в одиночестве почистил зубы и принял душ, перед тем как переодеться в совершенно новый синий спортивный костюм от «Найк» и кроссовки модели «Эйр Форс 1». За два года содержания в тюрьме он надевал положенную форму темно-бордового цвета, которую выдают заключенным, всего один раз. Первая посылка с одеждой, туалетными принадлежностями и книгами пришла через сорок восемь часов после того, как его доставили в блок предварительного заключения.

Он мог бы посмотреть первый выпуск новостей по маленькому телевизору, который стоял в углу его камеры, но он не хотел, чтобы его утренний распорядок нарушил тридцативосьмилетний торговец наркотиками, который сидел в соседней камере. Он очень тяжело переносил заключение, орал и каждое утро бился головой о стену. Оливер вышел из своей камеры и сел в пустой комнате отдыха напротив телевизора с 46-дюймовым экраном.

– Вы хотели кофе?

Надзиратель держал в руке кружку, от которой поднимался пар. Оливер улыбнулся, вокруг пронзительных голубых глаз на бледной коже появились морщинки. Этот надзиратель был новым сотрудником. Оливер уловил запах крахмала, который шел от новой хлопчатобумажной рубашки.

– Кофе – это просто прекрасно. Спасибо большое. Простите, я не разобрал ваше имя.

– Пол.

– А, да, Пол. Вы подождете здесь?

Надзиратель стоял не шевелясь, пока Оливер откинулся на спинку дивана, подул на пар и сделал маленький глоток.

– Хм, орехового сиропа многовато, но сойдет. Будьте так любезны, подайте мне пульт. Еще слишком рано, этот придурок Пирс пока не проснулся.

¹⁶ По британской системе классификации в категорию «А» попадают преступники и обвиняемые, представляющие угрозу для общества. Они содержатся в тюрьмах (или блоках тюрем) строгого режима. В комплексе Белмарш также есть блоки «В» и «С».

Оливер улыбнулся, когда надзиратель протянул ему пульт.

– Так, что у нас происходит? – пробормотал Оливер себе под нос, переключая на канал Би-би-си-1, где как раз начинались местные новости. Репортер стоял на Гринвичском пирсе.

«Следственные органы подтвердили, что молодой человек, тело которого вчера утром обнаружили всего в нескольких метрах от того места, где я сейчас стою, был официально опознан. Это Дэниел Кеннеди. Старший следователь по делу сообщила, что это убийство и начато расследование. При этом она не подтвердила местные слухи о том, что тело Дэниела Кеннеди было расчленено», – сообщил с экрана репортер.

– Ужасно так закончить жизнь, – заметил надзиратель, который так пока и не тронулся с места. – Как вообще кто-то мог разрезать... – Пол запнулся, когда Оливер медленно повернулся к нему и улыбнулся.

– Ты очень забавный, Пол. Но вообще я сомневаюсь, что это слухи.

Оливер подошел поближе к телевизору, когда на экране появилась фотография Дэниела Кеннеди. Он склонил голову набок и три раза постучал пальцем по экрану.

– И почему же ты кажешься мне таким знакомым, сынок? – спросил Оливер.

«Сегодня на вторую половину дня запланирована пресс-конференция, где выступят сотрудники полиции, ведущие это дело. А пока инспектор Анжелика Хенли обращается с просьбой ко всем свидетелям, которые могли что-то видеть, связаться с отделом по расследованию серийных преступлений. Сейчас на экране появятся телефоны для связи».

– Пол, я правильно услышал? Репортер сказал: «Хенли»?

– То ли Хенли, то ли Хенман. Я не уверен.

– А я практически уверен, что он сказал *Хенли*. – Оливер взял пульт и выключил телевизор. – Моя девочка стала инспектором.

Глава 8

Дэниел Кеннеди. Тридцать шесть лет. Состоит в отношениях. Жил в Лондоне. Родился в Лондоне. С фотографии из аккаунта в «Фейсбуке»¹⁷ смотрел улыбающийся мужчина на квадроцикле, все конечности были на месте. Судя по сведениям из Национальной базы данных полиции, этот человек жил под двумя фамилиями и четыре раза был осужден: за хранение наркотиков класса «А» и класса «В»¹⁸, грабеж в возрасте шестнадцати лет и, совсем недавно, за нанесение тяжких телесных повреждений.

– Невольно задумываешься, правда? – Рамоутер просматривал страницы отчета. Выглядел он сегодня несколько по-другому, вчерашняя официальность исчезла: начищенные ботинки сменились на черные кроссовки. Пиджак остался, но галстука не было.

– О чем задумываешься? – Хенли повернула руль, уворачиваясь от велосипедиста, который возник неизвестно откуда.

– Кого Кеннеди так достал, что оказался разрезанным на куски на берегу Темзы? Он получил полтора года за нанесение тяжких телесных повреждений. Вышел из тюрьмы в 2018 году, три месяца назад закончился период, в течение которого ему требовалось отмечаться в полиции, а затем он был задержан за нарушение общественного порядка и причинение легкого вреда здоровью. Правда, под стражу его не отправили, но он оказался с электронным браслетом на ноге.

¹⁷ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

¹⁸ В Великобритании наркотики делятся на три класса – «А», «В» и «С». Класс «А» считается самым опасным для здоровья. Хранение, а тем более торговля наркотиками класса «А» влечет за собой серьезные неприятности с законом.

Хенли задавала себе тот же вопрос, когда прошлой ночью лежала в постели и не могла заснуть, а Роб храпел рядом, и до нее доносился легкий, сладкий, дурманящий запах конопли, который шел у него изо рта, так и не успев выветриться.

Она завернула на подъездную дорогу к трехэтажному дому, построенному в викторианском стиле. Трава и кусты перед домом сильно разрослись, в ряд стояли переполненные зеленые передвижные контейнеры для мусора. На низкой стене сидели двое мужчин, они курили и наблюдали, как Хенли парковалась между белым грузовым автофургоном и красной малолитражкой.

– Это место не похоже на хостел для преступников, – заявил Рамоутер, проверяя, чтобы удостоверение сотрудника полиции у него на шее было сразу видно.

– А чего ты ожидал? – спросила Хенли, выключив двигатель и снова бросив взгляд на сидевших на стене двоих мужчин, прежде чем открыть дверцу.

– Не знаю, – пожал плечами Рамоутер. – Это не самое чистое место, но я думал, что будет... хуже.

– Разочарован, что жильцы не стреляют в саду перед домом?

– Нет... но...

Хенли перегнулась к нему через крышу своей машины.

– А ты раньше бывал в подобных общагах, где живут те, кого не отправили в тюрьму?

– На самом деле нет, – с некоторым смущением признался Рамоутер. – Все когда-то бывает впервые, правда?

– Хм. Ладно. Только не поставь меня в неловкое положение, – предупредила Хенли, направляясь к бронированной входной двери.

– Сюда уже два раза приезжали из «Стража», искали его, – сообщила Берил, затягиваясь электронной сигаретой и оставляя на ней след неоноворозовой помады, пока Хенли и Рамоутер записывали свои фамилии в журнал посещений. – Если честно, я вообще удивилась, когда они заявили. Обычно они приходят только для того, чтобы надеть электронный браслет. И все. Так что он натворил? Мне он никогда не нравился. Вообще никто из них не нравится.

– Когда вы в последний раз видели мистера Кеннеди? – спросила Хенли, игнорируя вопрос Берил.

Берил закрыла журнал и убрала его под стойку, потом исчезла и вернулась со связкой ключей.

– Давайте посчитаем. Я не работаю по выходным и понедельникам. В пятницу я болела, значит, в последний раз я была здесь в четверг. Я работаю только в дневную смену, с восьми до пяти, и не помню, чтобы тогда его видела. Думаю, что в последний раз видела Кеннеди во вторник.

– Сколько времени он здесь находился перед тем, как приехали люди из «Стража» и прикрепили ему электронный браслет?

– По крайней мере, две недели. Проклятая лестница. Он на третьем этаже жил, – охая, сообщила Берил.

Она первой поднималась по лестнице, Хенли и Рамоутер следовали прямо за ней.

– Кеннеди соблюдал комендантский час до появления людей из «Стража»?

– Да, соблюдал. Ходил тише воды ниже травы. В первую неделю он жил с еще одним типом, но тот подрался с психом из девятой, и его отправили в изолятор временного содержания. Так что Кеннеди получил комнату в единоличное пользование.

Берил выбрала ключ из связки и отперла дверь.

– Ответьте еще на один вопрос, пока не ушли, – попросила Хенли. – К Дэниелу приходили посетители?

– Посетители не допускаются. Но это не означает, что к нему никто не приходил. У нас есть камеры видеонаблюдения. Записи хранятся тридцать дней, можете их посмотреть, если хотите.

Рамоутер зажал нос рукой, когда зашел внутрь. В комнате воняло сгнившей едой и давно не стиранный одеждой. У противоположных стен стояли две односпальные кровати, рядом с каждой находилось по небольшому шкафу. Хенли открыла окно так широко, как только могла. Стол был завален пустыми коробками с едой навынос, пивными банками, здесь же стояла наполовину пустая бутылка дешевого виски. На подоконнике нашелся пакет скисшего молока. Маленькие черные мушки жужжали вокруг оранжевой сетки со сгнившими мандаринами.

Хенли надела латексные перчатки, которые лежали у нее в кармане, наклонилась и подняла хозяйственную сумку. В ней лежали бесплатные рекламные проспекты, информационные листки и прочий почтовый мусор, а также судебный бланк, в котором подтверждались условия содержания Кеннеди на свободе, номер для следующего визита к терапевту и письма от адвокатов.

– Это отвратительно, – сказал Рамоутер, обходя комнату. – Как можно так жить? Умер он не здесь, но, судя по запаху, он тут не появлялся по крайней мере неделю.

– Мне нужно, чтобы ты поговорил с другими обитателями этого дома, – обратилась к нему Хенли. – Скажи им, что мы не просим их стучать. Мы только хотим знать, когда они видели его в последний раз и разговаривали с ним. После этого посмотрим записи с камер. Думаю, что больше пользы будет от той, которая висит снаружи.

– Без проблем. Кажется, здесь больше ничего интересного для нас нет.

– Вроде бы больше ничего... – Хенли запнулась, когда что-то привлекло ее внимание в ногах кровати. Она отбросила в сторону трусы-боксеры и взяла в руку айфон.

– Похоже, новый, – заметил Рамоутер. – Зачем ему было оставлять совершенно новый телефон дома?

– У тебя есть пакеты для вещдоков?

Рамоутер порылся в карманах и покачал головой:

– Нет. Простите. Наверное, оставил их в машине.

Хенли сняла перчатку с левой руки, обернула ею айфон и вручила Рамоутеру, после чего заглянула под кровать. Ее пальцы коснулись чего-то твердого и потрескавшегося. Даже не глядя на эту вещь, она поняла, что это. Она встала и показала Рамоутеру небольшую круглую коробочку, прикрепленную к ремешку. На черном пластике сразу же бросалась в глаза трещина.

– Он снял браслет? – спросил Рамоутер, пока Хенли вертела его в руке в перчатке.

– Похоже, не только снял, но еще и раздавил. Он оставляет телефон и снимает браслет. Что он, черт его побери, собирался делать?

Рамоутер забрал у Хенли сломанный браслет, когда зазвонил ее телефон. На экране мелькнул мобильный номер Стэнфорда.

– Поезжай в парк Ледиуэлл-Филдс, – заявил Стэнфорд, не поздоровавшись и не дав возможности Хенли самой что-то сказать.

– Зачем?

– Думаю, что мы нашли нашу девушку.

Глава 9

– Их нашла одна дама из группы физкультурниц. Она вон там.

Стэнфорд показал пальцем на чернокожую женщину, которая разговаривала с полицейским. Ее плечи заметно дрожали. Белая женщина, выше ростом, стояла рядом и обнимала ее обеими руками.

– Можно не говорить, что свидетельница в жутком состоянии, – заявил крупный и атлетичный, как игрок в регби, Стэнфорд и скрестил на груди огромные ручки. – Больной на голову урод. Теперь у нас их двое... Я вспоминаю предыдущий раз, когда у нас было аналогичное дело.

– Врать не буду: мне это тоже пришло в голову, но разрезать тела на части и разбрасывать их – не такое уж необычное дело, поэтому давай пока не проводить параллелей, – сказала Хенли, оглядываясь вокруг.

Она не была в Ледиуэлл-Филдс уже много лет. Тренировки проводились рядом с теннисным кортом, с видом на Льюишемскую больницу. Полиция установила кордоны, отгородив часть парка. Трава здесь потемнела от летней жары.

– Так что случилось?

– Аиша каждую среду проводит занятия для женщин, они начинаются в половине двенадцатого.

Стэнфорд, Рамоутер и Хенли пошли в направлении кустов.

– В последние две недели отсюда поступали сообщения об эксгибиционисте, – продолжал Стэнфорд. – Стельян Вакареску, сорок восемь лет. Аиша разделила женщин на маленькие группы, а сама прогуливалась тут. И кого же она видит в кустах?

Хенли нырнула под ленту ограждения.

– Попробуй меня удивить, – предложила она.

– Вакареску с приспущенными штанами, демонстрирующего свой мужской орган. Она бежит к нему, говорит, чтобы убирался вон отсюда, а то она сейчас позвонит в полицию. Он застегивает ширинку и бросается бежать, но зацепляется за что-то ногой и падает. Аиша думает, что ей повезло и она сейчас проведет гражданский арест¹⁹. Она тянет руку к Вакареску, опускает глаза и видит, что именно он задел ногой.

Рядом с кустами лежала нога карамельного цвета, тонкая, покрытая запекшейся кровью. Три пальца, ногти на которых были покрашены ярко-голубым лаком, торчали из разорванных колготок в сеточку, спущенных до щиколоток.

– Проклятье, – выругался себе под нос Рамоутер.

– Вначале она подумала, что это нога манекена, но потом заметила засохшую кровь, а Вакареску начал визжать так, словно в него вселилась какая-то нечисть.

Примерно в метре от ноги у пенька валялись рука и голова. Голова с длинными волосами, часть прядей черные, часть выкрашена в пурпурный цвет. Но было и место без волос – размером с двухфунтовую монету, справа. На лбу оказалось много порезов, на правой скуле синяк. По губам размазались остатки засохшей красной помады. На месте глаз зияли две черных дыры. Рамоутер прикрыл рот рукой и отвернулся, заметив, как мокрица заползает в левую глазницу.

– Где Лин? – спросила Хенли у Стэнфорда. – А ты почему не в суде?

– Один присяжный заболел, а Лин уже едет сюда.

Стэнфорд повернулся к телу спиной. Хенли знала, что он чувствует. Они думали, что уже видели все, пока жизнь не показывала им новую сторону ада.

– Ты как? – спросил Стэнфорд у Хенли.

– В порядке, – ответила Хенли. – Не беспокойся.

Хенли была готова найти здесь оставшиеся части девушки. Она не боялась, у нее не дрожали руки, но на нее волнами накатывала ярость от мысли, что кто-то мог вот так выбросить девушку, словно мусор.

¹⁹ Гражданский арест – задержание, производимое лицом, не наделенным для этого специальными полномочиями, но готовым аргументировать обоснованность своих действий.

– В прошлом году у нас в Брэдфорде было похожее дело, – сообщил Рамоутер. Судя по напряженному выражению лица, он пытался взять себя в руки. – Участковый нашел полумертвую женщину позади небольшого магазинчика на углу. Она сама себе выдавила глаза. Она была наркоманкой, сидела на метамфетамины. Но вы посмотрите на нашу девушку... Не похоже, что она сама выцарапала себе глаза. Но зачем они кому-то нужны?

– Где сейчас Вакареску? – спросила Хенли.

– Сидит на скамейке с двумя полицейскими. Он в шоке, – ответил Стэнфорд, достал из кармана скомканную бумажную салфетку и высморкался в нее.

– Рамоутер, походи поговори с ним. Он тут регулярно появляется. Значит, должен был заметить что-то необычное. Помни: неважно, насколько бессвязным и незначительным кажется то, что он говорит, – убедись, чтобы Вакареску рассказал все.

– И скажи ему, чтобы не высовывал свой член из штанов, – добавил Стэнфорд. Улыбка быстро сошла с его лица, когда он повернулся и его взгляд снова опустился на тело женщины. – Бедняжка.

– Через сколько приедут криминалисты? Нам нужно как можно быстрее установить тент. А то тут уже собралось слишком много фотографов-любителей. – Хенли обернулась на небольшую толпу, которая заметно увеличилась с момента ее приезда. Подростки бросили свои велосипеды в траву и стояли, приготовив телефоны к съемке. – А как насчет камер видеонаблюдения?

– Ты не поверишь: их тут полно. По всему парку. Надеюсь, что-то там будет.

– Дай бог. – Хенли сложила руки на голове и сделала глубокий вдох. – Кто, черт побери, мог совершить подобное?

– Может, ревнивый любовник? – пожал плечами Стэнфорд.

– Может. Нам нужно ее опознать. Придется посмотреть базу данных пропавших людей, если ее нет в базе ДНК.

– Хорошо. Какие еще будут указания, шеф?

Хенли подняла голову и посмотрела на небо. Солнце уже стояло в зените, опять было жарко, а к жаре добавлялись еще и влажность, и городская вонь.

– Мне нужно, чтобы вы с Иствуд съездили в офис «Стража». На Кеннеди был электронный браслет, который он снял. В хостеле, где он жил, есть камеры видеонаблюдения, у нас есть его телефон. Но он выключен. Нужно связаться с техническим отделом. Пусть посмотрят телефон и сломанный браслет, но я хочу, чтобы первым с телефоном попробовал поработать Эзра.

– Понял.

Стэнфорд кивнул и салютовал, как принято у бойскаутов, Хенли подозвала к себе Рамоутера. К ним приближалось несколько автомобилей – полицейский «БМВ Икс5» с мигающими голубыми огнями, но выключенной сиреной, прямо за ним следовал грузовой автофургон, а потом серебристый «Хендай».

– Как там наш эксгибиционист? – спросила Хенли Рамоутера, когда он опустил блокнот в карман.

– Бесполезен. Мой волнистый попугайчик говорит по-английски лучше, чем он.

– У тебя есть волнистый попугайчик?

– У моего сына. Ему четыре года, – Рамоутер посмотрел на Хенли так, словно она должна была это знать.

– Вакареску. Он румын?

Рамоутер кивнул. Хенли достала из кармана ключи от машины, вручила Рамоутеру, потом достала свой телефон. Грузовой автофургон, машина полиции и «Хендай» остановились за машиной Хенли.

– Мне удалось разобрать только его имя и фамилию и понять, что он живет в Сиденхеме и ему очень жаль. И для этого потребовалось использовать переводчик Гугл. Потом он все

повторял: «девушка, девушка». Все остальное было на румынском, а я не умею так быстро печатать.

– Понятно. Отвези Вакареску в Льюишем, – велела Хенли, просматривая контакты в телефоне, потом нажала на «вызов». – Если я сейчас дозвонюсь до Бьянки, то попрошу ее вас там встретить. Это переводчица. Если ждать, пока со всем этим разберется Отдел по работе со свидетелями, то потеряешь весь день.

Бьянка ответила на звонок и сказала Хенли, что сейчас заканчивает работу в магистратском суде на Боу-роуд, а в Льюишеме появится через час.

– Так, этот вопрос решен. Я отправила ей твой номер. Она тебе позвонит, как только окажется в отделении. И я очень не хочу, чтобы она тебя ждала.

У Рамоутера зазвонил телефон, и он снова пошел к Вакареску. Хенли обернулась на поляну, по которой кто-то разбросал части тела девушки. Ледиуэлл-Филдс был открыт круглосуточно, в парке имелось несколько входов. Как и в первом случае, тот, кто оставил здесь части тела, знал это место. Сюда не попадают случайно. Женщину, кто бы она ни была, должны были найти. Два тела за два дня. Оба разрезаны на части и выставлены напоказ. Мужчина и женщина. Белый и чернокожая.

– Ну, должна сказать, что время от времени приятно выезжать из кабинета на природу.

Голос Лин вывел Хенли из задумчивости.

– Мне сообщили, что у нас еще один труп, – сказала Лин.

– Я вообще-то не люблю строить предположения, но в данном случае думаю, что сегодня мы нашли остатки той, часть кого мы нашли вчера у реки. Как ты и говорила, по виду ей... было от двадцати до тридцати.

– Так, дай я сама на нее посмотрю. Не знаю, сколько она уже тут лежит, но из-за жары разложение будет стремительнее, чем реакция стриптизерши, увидевшей пятьдесят фунтов.

– Ты знаешь, что это не смешно?

Лин ухмыльнулась и поправила ремень сумки на левом плече.

– Разве ты можешь меня винить, с такой-то работой? Ты останешься?

– Ненадолго. Мне нужно поговорить с Аишей – женщиной, которая ее нашла, а потом попрошу кого-нибудь из патрульных довезти меня до Гринвича.

– Я не думаю, что сама тут надолго. Чем быстрее ее доставят ко мне на рабочее место, тем лучше. Если задержишься, пока я закончу осмотр, я сама тебя довезу, может, наконец договоримся о девичнике. Сколько мы уже пытаемся собраться? Я уже начинаю думать, будто ты мной пренебрегаешь.

Через двадцать минут Лин подошла к Хенли и похлопала ее по плечу. Хенли только что разрешила отвезти Аишу домой.

– Мне нужно с тобой поговорить, – заявила Лин. Улыбку с ее лица как водой смыло.

Лин беспокойно хмурилась и терла мешки под глазами, ее лоб прорезали морщины. Она взяла Хенли под руку и повела к теннисному корту, подальше от группы криминалистов, которые собирали в кустах вещественные доказательства, и от небольшой толпы, которая за последний час увеличилась с тридцати до пятидесяти человек.

– Вначале о глазах. До тела уже добрались лисы, бездомные кошки, может, еще кто-то, но не до глаз. Глаза, похоже, вырезали. Мне нужно доставить тело в морг, чтобы определить время смерти.

– Как ты считаешь, она здесь давно лежит?

– Трудно сказать. Если ты хочешь, чтобы я примерно определила время смерти, то могу сказать, что она умерла несколько дней назад. Но сколько она лежит именно здесь, ожидая, что ее найдут? Без понятия. И я не об этом хотела с тобой поговорить. На теле есть метка, – сообщила Лин очень тихим голосом.

– Что?

Мысли судорожно проносились в голове у Хенли, но из глубин сознания всплывало только одно объяснение. Тошнота подступила к горлу, она почувствовала горький привкус желчи, поднявшейся из желудка.

– На коже вырезан символ, Анжелика. На предплечье. Он новый, не старый. Кровь в районе пореза свернулась. Я считаю, что его вырезали после смерти.

– Это... – Хенли не нужно было заканчивать предложение. Лин знала. Но тем не менее она уточнила: – Двойной крест²⁰ с полумесяцем сверху?

– Да. Сантиметров пять в длину.

– А что с телом Кеннеди?

– На теле есть следы шрамов от порезов, которые он явно наносил себе сам. Я нашла старые шрамы на руках и туловище, но все оно покрыто татуировками. Очень детальными, сложными татуировками. Если честно... – Лин покачала головой. – Нет, не может быть. Сомнительно, что я могла пропустить что-то подобное.

– Может, ты ничего и не пропустила. Может, на том теле ничего такого и нет.

Хенли прижалась лбом к забору, надеясь, что все это ерунда.

– Проклятье, мне придется достать его из холодильника. Для своего собственного успокоения. Сейчас позвоню Терезе, скажу, чтобы подготовила его к новому осмотру и сфотографировала каждый сантиметр его тела.

– Я еду с тобой. Если у него на теле есть метка, то я хочу стоять рядом, когда ты ее найдешь.

– Если найду. Значит, рука ее...

Хенли с Лин посмотрели туда, где работали криминалисты.

– Кто же она? – спросила Хенли, в сознании которой всплыл образ женской головы.

Глава 10

– Да уж, ты не торопился, – заметила Хенли, когда Рамоутер зашел в ОРСП.

Было почти четыре часа. Он выглядел уставшим, даже измотанным. Он закатал рукава рубашки, на лбу у него блестели капельки пота.

– Простите. Мне нужно было купить поесть, а то рухну. – Рамоутер показал промокший пакет из кафе с едой навынос. В нем лежал бургер с курицей и картофель фри. – Но вначале о главном. Вакареску любит поболтать. Говорил он очень много. Потом я отправился в местный муниципалитет. Он располагается через дорогу от Ледиуэлл-Филдс. Я поговорил с сотрудником, который отвечает за содержание парка. Простите, мне следовало вас предупредить.

– Все в порядке, – ответила Хенли. – Я последний человек, который станет тебя ругать за проявленную инициативу. Так что все-таки сказал Вакареску?

– Ну, вначале он не хотел ничего говорить, пока я не пообещал ему, что его не привлекут за эксгибиционизм. А пообещать я это мог, ведь никто не потрудился его арестовать, а Аиша заявления не подавала.

– После того как она увидела труп, она про него уже не думала.

– Да, конечно. – Рамоутер бросил в рот пару кусочков картофеля. – Вакареску сказал, что пришел в парк примерно в половине одиннадцатого утра. Он зашел в кафе, выпил чашечку чая, почитал книгу, а потом отправился на прогулку. Потом, по его словам, ему захотелось помочиться, и он зашел в кусты.

– А туалетом в кафе он не мог воспользоваться?

Рамоутер пожал плечами.

²⁰ Двойной крест – крест с двумя поперечинами.

– Похоже, он подцепил какое-то ЗППП²¹ от бывшей подружки, поэтому у него частые позывы к мочеиспусканию.

Хенли скорчила рожу, когда Иствуд, которая только что вошла в комнату, расхохоталась, услышав последнюю фразу.

Рамоутер вытер руки салфеткой.

– В любом случае он заявил, что просто мочился, а не мастурбировал, и в кустах вообще ничего не заметил, пока не начала орать Аиша. Он также сказал, что вчера был в парке примерно в то же время.

Хенли кивнула и открыла на компьютере фотографии с места преступления.

– Тело нашли немного дальше и правее. – Она показала на кусты в левой части парка. – С тренировочной площадки не видно, что там происходит, но с того места, где стоял Вакареску, должно быть видно. А в муниципалитете что сказали?

– У них были проблемы с пожарами в парках из-за очень жаркой погоды. Трава сухая, всякие идиоты бросают окурки в кусты, устраивают там пикники, жарят мясо и не затаптывают костры. Плохое сочетание. В муниципалитете мне сказали, что вчера в 17:48 вызывали пожарных, потому что загорелись кусты рядом с теннисным кортом.

Хенли кликнула по следующей фотографии и увеличила ее, чтобы получше рассмотреть место, где возник пожар. Оно находилось в паре метров от головы девушки.

– Наш убийца хотел, чтобы тело нашли, или он просто хотел от него избавиться? – спросила она.

– Зачем утруждать себя, раскидывая части ее тела по парку, а Кеннеди – у реки? – заговорил Рамоутер. – Он уже разрезал тела на части, так почему бы не положить их в мешки для мусора и не бросить в ближайший мусорный контейнер? Мусорщики, вероятно, просто перегрузили бы мешки в свою машину и не обратили бы на них внимания.

Хенли подумала об отметке, которую Лин заметила на предплечье у девушки. Это было важно, и она не могла не рассказать об этой метке Рамоутеру.

– У нас есть кое-что еще. У нашей девушки на коже вырезаны два символа. Питер Оливер вырезал такие же символы на телах всех своих семи жертв.

У Рамоутера округлились, а затем просветлели глаза: он вспомнил.

– Вы говорите про «убийцу с пилой»? – уточнил он с полным ртом, пережевывая бургер с курицей.

Хенли содрогнулась. Это прозвище для Оливера придумали СМИ. Ей было не по себе от того, что серийного убийцу называли так тривиально.

– Кто бы ни убил нашу таинственную девушку, он поставил на ней такое же клеймо, как Оливер ставил на своих жертвах, – пояснила Хенли. – Двойной крест и полумесяц.

– Но ведь Оливер в тюрьме, да?

Хенли повторила слова судьи, объявлявшего приговор, чтобы успокоить саму себя:

– Ему дали семь пожизненных сроков. Он получил по полной. Без шансов на помилование. Он умрет в тюрьме.

Хенли снова смотрела на фотографии с мест преступления. Части тел, разбросанные по юго-востоку Лондона. Там, где стоит ее дом. У одной жертвы есть имя и фамилия, но вторая до сих пор остается безымянной. Молодая чернокожая женщина, которая совсем недавно была полна жизни, оказалась убита, разрезана на куски, а потом выброшена, как сломанная кукла.

– Кто ты? – спросила Хенли вслух.

С фотографии женщины на нее смотрели пустые глазницы. Не было той молочной пелены смерти, которая обычно подергивает глаза трупа. Хенли непроизвольно содрогнулась.

²¹ ЗППП – заболевание, передающееся половым путем.

Она вспомнила, что несколько лет назад сама могла оказаться на такой фотографии – порезанной и оставленной умирать в парке.

– Все еще не выяснили фамилию?

Хенли подняла голову. Перед ее письменным столом стоял Стэнфорд. Она так глубоко задумалась, что даже не услышала, как он зашел в кабинет.

– Мы ввели ее отпечатки пальцев и ДНК в базу данных, но ничего не нашли. Что сказали в «Страже»? – спросила Хенли.

– Им нужно несколько дней, чтобы подготовить полный отчет.

Стэнфорд снял красный галстук, который надевал каждый раз, когда ему требовалось выступать в суде, и сбросил на стол пиджак, в который облачался на свадьбы, похороны и дисциплинарные слушания, где ему периодически приходилось появляться.

– Тебе не нужно было сюда возвращаться. Ты мог поехать прямо домой. Я бы так и сделала.

– И там Юджин сунет мне под нос еще один образец плитки. Нет, спасибо.

Хенли рассмеялась, представляя, как партнер Пола пытается убедить его поучаствовать в очередном проекте реновации дома.

– Значит, ты решил проверить, как у меня идут дела, – сделала вывод Хенли.

– Ничего подобного. Юджин велел, чтобы я пригласил тебя в воскресенье к нам на обед. Своего Зануду не бери. Приглашаем только тебя и малышку.

– Ты на самом деле хочешь провести воскресенье с ребенком, который еще и ходить толком не научился?

– Нет, я планирую выпить вместе с тобой в кухне.

Стэнфорд взял бутылку воды, которая стояла у него на письменном столе уже больше недели, и отвинтил крышку.

– Итак, я слышал от Исти, что это дело остается у нас и вести его будешь ты?

– Мне особого выбора не предоставляли.

Хенли начала приводить в порядок и так уже чистый стол. Она переставила ручки и карандаши в стакане, проверила, что все папки лежат ровной стопкой в пятнадцати сантиметрах от края стола. В процессе она слушала Стэнфорда – тот рассказывал о том, как прошло слушание в суде, и жаловался на последние требования руководства полиции Лондона к оформлению протоколов.

– Так, а где он? – вдруг спросил Стэнфорд. – Я про твоего стажера. Я думал застать его тут вместе с тобой. Он же должен за тобой по пятам ходить.

– Вообще-то предполагалось, что он будет твоим стажером.

– Нет, спасибо. По мне, он слишком мягкотелый.

– Ты сам был таким когда-то, – ухмыльнулась Хенли.

Стэнфорд скорчил гримасу.

– Никогда!

– Я обожаю с тобой болтать, но Рамоутер ждет меня внизу, – сообщила Хенли. – Мы собираемся в Кэмден²², поговорить с братом Дэниела Кеннеди.

Стэнфорд вопросительно приподнял густую бровь.

– На север? Да, лучше ты, чем я. Так как далеко мы продвинулись с этим делом?

– Лин нашла метку на теле девушки.

– Метку?

– Двойной крест с полумесяцем.

Веселье сразу сошло с лица Стэнфорда.

– А на втором трупе? На том, который нашли у реки? – спросил он.

²² Кэмден – район на северо-западе Лондона.

– Прямо сейчас проверяет. Я жду звонка.

– Но этого же не может быть...

Хенли взяла планшет. На экране были двойной крест и полумесяц, вырезанные у жертвы на коже.

– Оливер устраивал беспредел в том числе и в тех краях, но это совсем другое дело. Оливер сидит в тюрьме. Это мог сделать кто угодно.

– Ты серьезно? – с беспокойством посмотрела на него Хенли. – После всего, что натворил Оливер, ты говоришь, что мы должны полностью отменить возможность его связи с этим делом?

– Сядь, Анжелика.

Стэнфорд пододвинул ей стул и уселся напротив.

– Я знаю, что ты хочешь сказать, Пол, но не нужно.

– Еще как нужно.

Хенли вздохнула и в качестве компромисса уселась на свой письменный стол.

– Ты не должна этим заниматься, – сказал Стэнфорд. – Ты не должна ставить себя в положение, в котором из подсознания полезут болезненные воспоминания.

– А по-твоему, разговоры об этом их не вызывают? – рявкнула Хенли.

Стэнфорд откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

– Не занимайся этим делом. Я твой друг и знаю, что это такое.

– Я знаю, что ты беспокоишься, но не стоит.

– Ты можешь передать это дело Исти. Она неоднократно себя показала, пока на тебя были наложены ограничения. Ты же знаешь, что Исти справится.

– А я не справлюсь?

Стэнфорд откинул голову назад и бросил в потолок:

– Я не об этом.

– А как это будет выглядеть, если я просто передам дело Иствуд? Люди начнут сплетничать, Пол. Обо мне и так ходит много слухов. Меня перестанут уважать.

– Тебя не перестанут... – Стэнфорд запнулся, увидев, как Хенли повернулась к нему спиной и направилась к двери. – Анжелика! – умоляюще произнес он.

– Я знаю, что ты обо мне беспокоишься, но больше никогда не проси меня отказаться от дела.

– Черт побери! – рявкнул Стэнфорд, когда Хенли захлопнула за собой дверь.

Глава 11

– Я все еще не могу в это поверить, – повторял Джейкоб Кеннеди, сидя на диване. На столике стояли три чашки кофе. Хенли не хотела кофе, но видела, что Джейкобу нужно чем-то себя занять. У них была только одна фотография Дэниела – снимок, сделанный в тюрьме полгода назад, но по ней все равно было понятно, насколько братья похожи. У них были одинаковые густые, вьющиеся каштановые волосы и пронзительные глаза орехового цвета. – Эту неделю я работаю удаленно, но вся работа полетела к чертям собачьим. Я ни на чем не могу сосредоточиться.

– Чем вы занимаетесь? – спросил Рамоутер.

– Финансовый консультант. Я даю людям советы по организации нового бизнеса, помогаю найти инвесторов, все в таком роде. Дэн... мой брат работает вместе со мной. Дизайн и строительство. Он... простите... О господи! Он *был* таким молодцом... Не поймите меня неправильно. Я знаю, что он не был ангелом. У него были трудные несколько лет. Он даже какое-то время сидел в тюрьме, но вы, вероятно, это уже и без меня знаете...

Он замолчал, глядя на каминную полку, где была выставлена целая коллекция фотографий.

– Когда вы с ним последний раз разговаривали или виделись? – спросила Хенли.
– С Дэном? В выходные. В банковский выходной²³. У жены был день рождения, мы устраивали барбекю.

– Как он выглядел?

– Нормально. Он злился, что из-за комендантского часа не может посидеть подольше. Но если не считать этого, все было в порядке.

– Вы с ним разговаривали после дня рождения жены?

– По идее, должен был. – Джейкоб сощурился и потер виски. – Как я уже говорил, мы с ним обсуждали его возвращение на работу. О, я виделся с ним и после дня рождения жены! Мы с ним ходили на домашний матч «Вест Хэма» против «Арсенала». Примерно три недели назад.

– Вы были близки? – спросил Рамоутер.

– Он мой младший братишка. Отец умер, когда мы были детьми, а мама не справлялась. Много пила. Употребляла. Так что мы фактически были с ним вдвоем, приглядывали друг за другом.

Джейкоб принялся раскачиваться взад и вперед, а потом его плечи задрожали и он заплакался.

– Простите. Простите.

– Все в порядке, – мягко сказала Хенли и жестом показала Рамоутеру, чтобы передал салфетки, лежавшие на кофейном столике. – Мне на самом деле очень жаль.

Джейкоб благодарно кивнул, забирая салфетки у Рамоутера.

– Ваш брат был выпущен из-под стражи и проживал в хостеле для условно освобожденных после обвинений в нарушении общественного порядка и причинении легкого вреда здоровью? – уточнила Хенли.

– В суде решили, что его квартира находится слишком близко к месту жительства пострадавшего, – с горечью сообщил Джейкоб. – Я хотел, чтобы он жил здесь, с нами. Я смог бы за ним приглядывать, но жена заявила, что это плохо повлияет на детей, хотя это полная чушь. Дети любят своего дядю Дэна. Может... Не знаю... Может, ничего этого не случилось бы... Это моя вина.

– Пожалуйста, успокойтесь. Это не ваша вина. – Искалеченное сердце Хенли чувствовало боль Джейкоба и всю остроту его страданий. Она опустила руку ему на плечо, не зная, насколько успокаивающим получился этот жест. – Что вам известно о предъявленных вашему брату обвинениях?

– Дэн просто защищался. Мы с ним работали над проектом в Дэлстоне, и Дэн заподозрил, что один из строителей ворует материалы. Дело в том, что у Дэна взрывной характер... был взрывной характер. Я очень сомневаюсь, что он обратился к этому парню вежливо. Очевидно, они стали спорить, ругаться...

– Вы присутствовали при этом? – перебила Хенли.

– Нет. Мне это все рассказал Дэн. Началась драка. Они вышли на улицу, и Дэн врезал ему по голове. Арестовали Дэна и обвинения предъявили тоже Дэну.

Рамоутер пролистал страницы своего блокнота.

– Томас Новак, – произнес он. – Так зовут строителя, с которым Дэн подрался?

Лицо Джейкоба слегка просветлело.

– Да, Новак. Вы думаете, что он имеет отношение к случившемуся с Дэном?

– Мы с ним обязательно поговорим, – заявила Хенли. – Еще что-нибудь можете нам сообщить?

²³ В Англии и Уэльсе отмечается восемь так называемых «банковских выходных» в году, например пасхальный понедельник, первый понедельник мая. Фиксированная дата не установлена, они всегда выпадают на понедельник, чтобы продлить праздничные дни и не переносить рабочие дни. В данном случае имеется в виду последний понедельник августа.

В эту минуту послышался женский голос:

– Джей! Я вернулась.

– Моя жена, – сообщил Джейкоб извиняющимся тоном.

Хенли с Рамоутером встали, когда в дверном проеме появилась хорошо одетая женщина с длинными прямыми каштановыми волосами.

Женщина опустила большие желтые пакеты с покупками на пол.

– Вы кто? – спросила она.

– Я следователь, инспектор Анжелика Хенли, а это – стажер, констебль Салим Рамоу-тер, – представила их Хенли.

– Вы насчет Дэниела? – спросила женщина, которая явно ему не симпатизировала. – То, во что он вляпался, не имеет никакого отношения к нам.

– Зара! Он *ни во что* не вляпался! – закричал Джейкоб, вскакивая на ноги.

– Я только хотела сказать...

– Не надо.

– Они не ладили? – спросила Хенли после того, как Зара развернулась и ушла. Было слышно, как ее каблучки стучат по деревянным доскам пола. Джейкоб вздрогнул, когда дверь с грохотом захлопнулась.

– Она просто расстроена, – пояснил он. – Мы все расстроены.

– Еще один момент, – сказала Хенли. – Дэниел сидел в тюрьме за нанесение тяжких телесных повреждений.

Джейкоб вздохнул и вытер лицо тыльной стороной ладони.

– Он пытался защитить Зару. Представляете? Трудно в это поверить. Мы были на вечеринке, а тот идиот начал приставать к ней. Дэн сказал ему, чтобы отвалил, ну и началось. Они подрались, тот мужик ударился об стол и повредил глаз. Перелом глазницы. Дэн говорил, что это была самооборона, но присяжные ему не поверили.

– А вы поверили? – спросила Хенли.

Джейкоб посмотрел на Хенли с негодованием.

– Конечно, – ответил он. – У моего младшего брата был взрывной характер, иногда он вел себя как идиот, но сам он никогда не искал неприятности на свою голову. Я его по-другому воспитывал.

Глава 12

– Ты чувствуешь?

Мужчина посмотрел вниз. Он попытался открыть рот, видя, как чьи-то пальцы обхватывают серебристую рукоятку ножа. Он попробовал пошевелить языком, выдавить какие-то слова, когда пятнадцатисантиметровое лезвие пронзило его плоть. Кровь казалась темной в тусклом свете. Она побежала по его бедру, но боли не было. Пальцы разжались, но нож остался на месте – в его бедре.

– Это был глупый вопрос. Ты не можешь ничего чувствовать. Вероятно, это все кажется тебе сном. Знаешь, бывают такие сны?

Мужчина попытался пошевелить головой. Проследить за источником голоса, который кружил по комнате.

– Ты думаешь, что не спишь, но не можешь шевелиться. Ни одним мускулом не можешь пошевелить. Даже мизинцем. Но тебе страшно, да? Это ты *можешь* чувствовать. Удушающий, тотальный страх.

Мужчина попытался пошевелить рукой. Он хотел вытащить нож, но ничего не получалось. Он мог только неотрывно смотреть на свои голые ноги, вытянутые прямо перед ним. Лодыжки были связаны прозрачными пластиковыми веревками, которые врезались в кожу.

Его ноги побелели, на них появились пурпурно-синие пятна. Он не знал, где находится и как сюда попал. Он не мог сказать, вечер сейчас или раннее утро. Ему хотелось потрясти головой, вызвать воспоминания. Он открыл дверь какому-то человеку, которого знал, но образ был туманным. Он хотел, чтобы этот образ приобрел четкие очертания.

– Я не могу давать тебе ложных обещаний и говорить, что все произойдет быстро, потому что так не будет. Будет медленно.

Он ничего не чувствовал, но все слышал. Снаружи дрались и оралы кошки. По крыше бил дождь, словно забивал гвозди. И человек, которого он не мог видеть, перемещался по комнате. Мужчина услышал звук расстегиваемой молнии. Металл ударился о металл. Затем из сумки что-то вынули.

Сердце подпрыгнуло у него в груди, но тело не могло пошевелиться, когда что-то тяжелое упало на бетонный пол и отскочило от него. Мужчина почувствовал запах ржавого металла, влажной земли – тот, который обычно ощущается после дождя и пролитой крови. Потом в нос ударил запах прелого пота. И еще смесь вони от сгнивших фруктов и тухлой рыбы. От всего этого к горлу подступила тошнота.

Голос в ухе жужжал, как назойливое насекомое.

– Если тебе от этого будет легче, знай: ты ничего не почувствуешь. Но тебе придется наблюдать за тем, что я собираюсь с тобой сделать... Думаю, это будет настоящий взрыв мозга!

Мужчина моргнул. Это было все, что он мог сделать. Затем жужжание прекратилось. Он ощутил запах свежей крови и после этого уже больше ничего не слышал.

Глава 13

Ее звали Узомамака Дарега, но она любила, чтобы ее называли Зоуи. Ей было двадцать шесть лет. Описание девушки из парка и ее карандашный портрет, сделанный полицейским художником, опубликовали в газетах. Никому не следовало видеть фотографию мертвой девушки без глаз. Ее дядя официально опознал ее, пока Хенли отвозила Эмму в детский сад. Лин хорошо поработала – Зоуи выглядела целой, а ее веки были опущены, словно она спала. Хенли клейкой лентой прикрепила фотографию Зоуи размером А4 к магнитно-маркерной доске рядом с фотографией Дэниела Кеннеди. Это была недавняя фотография Зоуи, сделанная три недели назад на девичнике. Глаза у нее были большими, светло-кариими и очень яркими.

– Она работала медсестрой в Льюишемской больнице. Насколько нам известно, задняя стена этой больницы смотрит на Ледиуэлл-Филдс, – Хенли повернулась спиной к доске и обвела глазами кабинет.

Все – Стэнфорд, Иствуд и Рамоутер – сегодня рано пришли в отдел. Было почти девять, но все еще не появился Пелачча. Это было для него нетипично.

– Симпатичная девушка, – заметила Иствуд, снимая пластиковую крышку со стаканчика с кофе. – Что мы думаем? Ее убили на территории больницы, а потом выбросили части тела неподалеку?

– Может быть и так. Но вспомните, что ее правую руку нашли накануне в Гринвиче. Между двумя этими точками почти четыре километра. Ее бабушка с дедушкой заявили в полицию вечером в воскресенье – в отделение в Форест-Гейт, но данные были отправлены в отдел, занимающийся поиском пропавших людей, только на следующий день. Информацию о ее исчезновении получили даже не все сотрудники того отделения полиции, куда подали заявление. Она не разошлась по социальным сетям, не была опубликована в газетах. Когда я в последний раз проверяла нашу внутреннюю базу данных, там числилось 10 980 пропавших чернокожих женщин. Рамоутер посмотрел сайт с открытой информацией. Там указаны данные только четырнадцать.

– Четырнадцать? – не поверил Стэнфорд. – Как может быть только четырнадцать?

– Тот сайт показывает только неопознанных. Но давайте сейчас не будем отвлекаться и обсуждать, какая у нас дерьмовая система. У нас есть имена и фамилии двух жертв. Лин сегодня утром проводит вскрытие Дарего. Вскрытие тела Дэниела Кеннеди уже проведено, но у нас пока так и нет его левой руки. – Хенли открыла свой блокнот. – Стэнфорд, я знаю, что ты должен вернуться на слушание дела сегодня во второй половине дня, но хочу, чтобы до этого вы с Исти съездили в Льюишемскую больницу. Поговорите с коллегами Дарего, а еще проверьте систему безопасности. У них должны быть записи с камер видеонаблюдения – как Зоуи Дарего выходит из больницы. Полицейские уже прошли по всем домам на Уотергейт-стрит, опросили людей. Никто не заметил ничего подозрительного, и на этой улице нет камер. Так что никаких свидетельств у нас нет.

– Хорошо, шеф. – Стэнфорд смял бумажный пакет, в котором лежал его бутерброд с беконом, и бросил его в мусорную корзину.

– А что у нас с Гринвичским пирсом? – это был Пеллача.

Хенли не слышала, как он вошел, и задумалась, сколько он уже за ней наблюдает. Его взгляд говорил не только о профессиональном интересе. Хенли отвернулась.

– Я попросила Джоанну поговорить с людьми из Гринвичского муниципалитета, а потом сходить в управляющую компанию, обслуживающую квартиры в домах у реки, – ответила она.

– Отлично. Джоанна точно нагонит на них страху.

– Нагоню, – подтвердила Джоанна, сидевшая за своим письменным столом в глубине комнаты. – Кстати, я здесь. С такими манерами ты очень многого добьешься.

– Прости, Джо, – Пеллача демонстративно отвесил ей поклон. – Ты можешь найти материалы по делам Кеннеди в Информационной системе? Что там было с нанесением тяжких телесных повреждений и последним делом – причинением легкого вреда здоровью?

– Уже занимаюсь этим. Вчера вечером Рамоутер прислал мне письмо по электронке.

– В таком случае я вас покидаю. Сейчас позвоню начальнику Льюишемского отделения полиции, спрошу, не сможет ли он выделить людей из Отдела по обеспечению общественного порядка, чтобы помочь с просмотром записей с камер.

Хенли благодарно кивнула и встретила взглядом на секунду дольше, чем следовало бы.

– А ты сама что собираешься делать? – спросил Пеллача у Хенли.

– Мы с Рамоутером планируем навестить бабушку и дедушку Зоуи Дарего.

– Мы попытались заявить о том, что она пропала, еще вечером в пятницу, но нам сказали, что нужно подождать сорок восемь часов. Почему сорок восемь часов? Я сказала женщине, которая принимала посетителей в отделении полиции, что что-то случилось, но никого не волнует пропавшая чернокожая девушка.

Хенли увидела, как Рамоутер слегка дернулся, но сама никак не отреагировала. Она не в первый раз слышала слова: «Никого не волнует чернокожая девушка». Эти слова сопровождали ее саму на протяжении всей ее жизни – и на работе, и вне ее. Она прекрасно знала, что стереотипы о чернокожих и их негативный образ заставляли СМИ пренебрегать делами об исчезновениях черных женщин. Они всегда предпочитали обсудить пропажу голубоглазой белой блондинки.

Халифа смотрел на Хенли злыми покрасневшими глазами. Смотрел так, будто она была во всем виновата, будто она могла бы сделать больше. Жена Халифы, Ндиди, сидела рядом с ним, взяв его ладонь в свою. Она не произнесла ни слова с того момента, как открыла дверь Хенли и Рамоутеру. После того как они предъявили ей удостоверения сотрудников полиции, она только молчала и безропотно слушала то, что они говорили.

В доме находились не только они. В углу комнаты на стуле с высокой спинкой сидел мужчина, которому на вид было лет пятьдесят пять, и с недоверием поглядывал на Хенли. Халифа представил его как их пастора. Она знала, какой вопрос он мысленно задает себе:

почему чернокожую женщину взяли работать на «них»? Остальные члены семьи – тетя, дядя, друг семьи, мальчик с девочкой не старше пятнадцати и шестнадцати лет были отправлены в комнату в задней части дома. Несмотря на закрытую дверь, Хенли слышала, как кто-то плачет.

– Всем наплевать, – снова заговорил Халифа. – И они ничего не сделали.

Он выдернул мозолистую руку из руки жены, а она сжала в ладони золотое распятие, которое висело у нее на шее. Им обоим, вероятно, было лет по семьдесят с небольшим. Комната, в которую пригласили Хенли и Рамоутера, явно считалась «гостевой», самой лучшей комнатой в доме. Пол был застелен ковром цвета овсянки, и на нем остались следы от пылесоса. Подушки на диване были упругими, на них еще мало сидели. В комнате пахло полиролью для мебели с ароматом сосны и сандаловым освежителем воздуха. У дальней стены стоял сервант – имитация под красное дерево – с фотографиями в рамках. Их внучка на фотографии была в мантии выпускника, в квадратной академической шапочке и в руках держала свиток. Шапочка опасно балансировала на длинных косичках. Она широко и радостно улыбалась. Хенли увидела смесь восторга и ожидания в ее глазах.

– Узомамака... – мягко начала Хенли.

– Зоуи, – в первый раз заговорила Ндиди. Ее голос был наполнен болью, в нем все еще оставался нигерийский акцент, который уже успел смешаться с британским. Хенли не могла не жалеть ее.

– Узомамака, – упрямо повторил Халифа. – Наша внучка. Она всегда возвращалась домой. Всегда. Она была хорошей девочкой. Не носилась по улицам. Она училась на акушерку. Она могла бы стать врачом, но сказала: нет.

Его жена кивнула, подтверждая его слова.

– Когда вы в последний раз видели Зоуи? – спросила Хенли.

Ндиди протянула руку к черной кожаной сумке и достала из нее тонкий красный ежедневник.

– Я всегда записывала, в какую смену работает Зоуи. В пятницу она работала с шести утра до шести вечера, но иногда она задерживалась. У них не хватает людей.

– Сколько времени она работала в Льюишемской больнице?

– Почти два года. Она начинала в «Парк Ройял», но до той больницы очень далеко ехать. Она домой добиралась по два с половиной часа. А до Льюишемской больницы около часа. Машины у нее не было. Если смена заканчивалась поздно, то Халифа иногда ее забирал.

– И она не пришла домой?

Халифа покачал головой.

– Иногда она задерживалась из-за пробок. Я ей позвонил, но сразу же включилась голосовая почта. Мой сын отправил ей эсэмэс, но она не ответила. В одиннадцать мы поехали в больницу, но ее никто не видел. Я пошел в отделение полиции. Они отказались принять заявление. Они сказали, что она, возможно, гуляет со своим парнем.

– Парнем? А вы знаете его имя, фамилию?

– Дэниел. Фамилию не помню.

– Может, Дэниел Кеннеди? – спросил Рамоутер.

– Не знаю, – Ндиди выглядела смущенной. – Может быть. Я не уверена.

– Он плохо на нее влиял! – закричал Халифа. – Узомамака была хорошей девочкой. Она работала, ходила в церковь. Она была хорошей... – Его плечи опустились, а из горла вырвалось глухое рыдание.

Пастор, который до этого сидел молча, встал и аккуратно помог Халифе подняться, поддерживая его под руку.

– Может, для него будет лучше выйти на воздух, – сказал он.

Хенли кивнула в знак согласия.

– Она любила его, она его очень сильно любила, – сказала Ндиди, как только дверь закрылась. – Я сама бы этого Дэниела никогда не выбрала, но... Что в таком случае можно сделать?

– Как бы вы описали их отношения? – спросила Хенли.

– Они выглядели счастливыми.

– Счастливыми? – казалось, что Рамоутер удивлен. Хенли неодобрительно посмотрела на него, и он опустил голову.

– Да. Счастливыми. Но она не болтала о нем без умолку. Зоуи была не такой. Она была рассудительной и сдержанной.

– Вы не знали ни про какие ее проблемы? – уточнила Хенли.

– Нет. Я не знаю, как у них там все складывалось вначале. Она не сразу сказала нам, что встречается с Дэниелом.

– А когда она вам о нем рассказала?

– Примерно через год.

– Сколько времени... они были вместе?

– Точно не могу сказать. Наверное, пару лет.

– Они не жили вместе? – продолжала задавать вопросы Хенли.

– Нет. – Глаза Ндиди увлажнились, но слезы из них так и не полились. – Они планировали это. Они нашли квартиру недалеко от работы Зоуи, но усилия оказались напрасными. Они не смогли туда переехать, потому что хотя его и выпустили из-под стражи, но на конкретных условиях. Им пришлось ждать. А вы с ним уже разговаривали?

Хенли бросила быстрый взгляд на Рамоутера.

– Боюсь, что Дэниел Кеннеди мертв, – произнесла она.

Ндиди всплеснула руками, потом закрыла рот ладонью. Глаза у нее округлились от ужаса.

– Я не понимаю...

– Его тело было обнаружено утром в понедельник в Дептфорде.

Ндиди расплакалась.

– Кто мог это сделать? – Она опустила руку в карман кардигана и достала бумажный платок. – Почему они это сделали?.. Почему?

– Хотелось бы мне вам что-то ответить, но я, честное слово, не знаю, – сказала Хенли. – Именно поэтому мы и проводим расследование. Зоуи вам что-нибудь говорила? Хоть что-то, что могло бы вас заставить о ней беспокоиться?

Ндиди снова расплакалась, Хенли ее не торопила.

– Если бы хоть что-то было, я бы вам сказала, – произнесла Ндиди примерно через минуту. – Она была хорошей девочкой, но кто знает? Она очень долго скрывала Дэниела. Кто знает, что еще она скрывала от нас?

– А как обстояли дела у нее на работе? Там были проблемы?

Ндиди покачала головой.

– Она любила свою работу. Она любила помогать людям. Она хотела помогать детям появляться на свет, чтобы в этот мир приходила новая жизнь. Как кто-то мог убить ее за это?

У Хенли сдавило горло.

– Мы найдем того, кто забрал у вас Зоуи, – только и смогла произнести она.

Ндиди встала и подошла к каминной полке. Она сняла с нее фотографию улыбающегося младенца.

– Когда мы сможем забрать ее домой? – спросила она, нежно глядя стекло.

Хенли не любила этот вопрос больше всего. Удовлетворяющего родственников ответа не было. И она просто не знала, когда отдадут тело.

– Полиции было плевать, когда мы заявили о ее исчезновении, – сказала Ндиди. – Обещайте мне, что вы не дадите забыть о Зоуи.

В голове у Хенли звучали слова ее бывшего начальника. Раймс постоянно повторял: «Никогда не давай родственникам обещаний, которые ты не сможешь выполнить. И дело тут не в тебе».

– Я обещаю, – сказала Хенли.

Глава 14

Хенли опустила трубку с тяжелым сердцем.

– Что случилось? – спросил Стэнфорд, ставя чашку чая на стол Хенли.

Пеллача поднял голову со своего места у окна, где заново просматривал фотографии с места преступления в Ледиуэлл-Филдс. Он был одним из немногих полицейских, которые после долгих лет службы в полиции все еще испытывают дискомфорт, видя смерть.

– Звонила Лин, – сообщила Хенли. – Она закончила вскрытие Зоуи. Она была беременна. Шесть недель.

– Проклятье. Бедная девочка.

– Ты был в больнице и разговаривал с ее подругами. Мог отцом быть не Дэниел Кеннеди?

– Я чувствую себя так, будто оказался на ток-шоу у Джереми Кайла²⁴. Дай мне секунду, мне надо выдохнуть, – сказал Стэнфорд.

– Я бы на это посмотрела, – вставила Иствуд, бросая пустой пакет из-под крекеров в мусорную корзину и протягивая руку за шоколадным батончиком KitKat у себя на столе. Иствуд любила все вредное.

Тишина, воцарившаяся в кабинете, пока все ждали ответа Стэнфорда, была нарушена появлением Рамоутера.

– Простите за опоздание, – сказал он.

– Если отвечать кратко, то нет, – заговорил Стэнфорд. – По словам ее лучшей подруги Рейчел Бишоп – она работает в том же отделении, что и Зоуи, уже восемь месяцев, – Зоуи была безумно влюблена в Кеннеди. Рейчел сказала, что Кеннеди чересчур опекал Зоуи, но была абсолютно уверена, что он никогда не причинил бы ей боль.

– Но тогда зачем скрывать отношения, если Дэниел был таким хорошим парнем? – спросил Рамоутер.

– Семья – адвентисты седьмого дня, очень набожные, и они категорически против отношений с представителями других вероисповеданий, – пояснил Стэнфорд. – Кеннеди был католиком, а значит, совершенно не подходил для Зоуи. Рейчел сказала, что бабушка не возражала, но дед и дядя были совсем не в восторге. Они пригрозили лишить ее наследства и фактически выгнали из дома, но потом все-таки одумались.

– Ее бабушка об этом не рассказывала, – заметил Рамоутер.

– Они говорили, что она хорошая девочка. Они никак не хотели пятнать ее светлый образ. А где родители Зоуи? – спросила Хенли и мысленно отругала себя за то, что ей не пришло в голову спросить о них Ндиди, пока они были в доме. Она позволила горю Ндиди отвлечь ее.

– Никто не знает, кто ее отец и где он, – сообщил Стэнфорд, листая страницы своего блокнота. – Рейчел сказала, что мать родила Зоуи в восемнадцать лет, отдала бабушке с дедушкой, а сама отправилась в Канаду.

– Родственные души, – заметила Хенли. – Отец Кеннеди умер, когда он был совсем маленьким. Мать им не занималась. Так что давайте возвращаться к вечеру пятницы.

– Ее смена закончилась в шесть вечера, но фактически она работала до 22:08. Имеется соответствующая запись в журнале. Как известно, нашей Государственной службе здравоохра-

²⁴ Ток-шоу Джереми Кайла – популярное дневное шоу на одном из британских телеканалов.

нения не хватает людей. Камеры видеонаблюдения записали, как она вышла из отделения интенсивной терапии в 22:17, а из здания больницы в 22:32.

– Дедушка сказал, что приехал за ней в больницу в одиннадцать, – добавил Рамоутер. – Почему он так долго ждал, если знал, что ее смена заканчивается в шесть?

– Наш вундеркинд высказал разумную мысль. – Стэнфорд закрыл блокнот и бросил его на письменный стол. – Ты хочешь, чтобы я поговорил с дедушкой?

– И с дядей, – улыбнулась Хенли. – Можешь привезти их к нам сюда, если потребуется. Но это должно быть добровольно. Попытайся точно выяснить, чем они занимались после шести вечера.

– Попытаюсь. Но это еще не все. Рейчел сказала, что за две недели до исчезновения Зоуи пришла на работу очень расстроенной. Плакала, дрожала – в общем, полный комплект.

– И что тогда случилось? – спросил Рамоутер.

– По словам Рейчел, Зоуи рассказала ей, что ее за руку схватил какой-то мужчина и назвал сукой. Он заявил ей, что она сломала ему жизнь. Через пару дней того же самого мужчину снова видели у больницы.

– А Зоуи сообщила об этом в полицию? – спросила Хенли.

– Рейчел не уверена, звонила ли Зоуи в полицию, но в службу безопасности больницы она точно обращалась.

Хенли почувствовала себя увереннее. Они продвигались вперед. Она не нарушит обещание семье Зоуи.

– А что там с символами на ее теле? Мы не забываем, что тут может быть некая связь с Оливером? – спросила Иствуд.

– Если бы мы имели дело только с разрезанными на куски телами, я сказала бы, что связи нет, но метки... – Хенли замолчала.

– Мне не нравится, куда повернул этот разговор, – подал голос Пеллача.

– Мы обязаны рассмотреть возможность связи наших жертв с Оливером или с кем-то из его семи жертв.

– Какая может быть связь? Оливер уже отомстил, когда их всех убил, одного за другим, – заметила Иствуд.

– А за что он мстил? – поинтересовался Рамоутер.

– Оливер пошел служить в армию в девятнадцать лет, – начала Иствуд. – Он был сложным подростком. – Иствуд начала загибать пальцы. – Родители с ним не справлялись. Из школы его выгнали. Переезжал из одной приемной семьи в другую. Его поместили в интернат и в восемнадцать лет выставили на улицу с чеком на две тысячи фунтов стерлингов. Он понятия не имел, как жить дальше. И пошел в армию. Через полгода Оливера изнасиловали. Армейский врач сказал, что это был один из худших случаев изнасилования, которые он видел за свою жизнь.

Хенли склонилась над своим письменным столом. Она была благодарна Иствуд за то, что взяла на себя рассказ о жизни Оливера.

– Что он имел в виду под «худшим случаем»? – уточнил Рамоутер.

– Групповое изнасилование. И еще использовали древко от метлы и разбитую бутылку – в дополнение к своим мужским органам. Оливер шесть недель пролежал в больнице.

– Ужас.

– Он написал заявление. Назвал всех шестерых насильников: Адриан Флинн, Тоби Кендрик, Джереми Хикс, Гэри Форд, Ричард Льюис и Алистер Нэш. Все из его взвода. Был трибунал, дело слушалось двенадцать дней. Всех шестерых оправдали. Проходит восемнадцать лет, и сержанта Адриана Флинна обвиняют в изнасиловании гражданского лица. И его снова оправдывают. А через три месяца Оливер разрезает его на куски и разбрасывает их вдоль трассы А2, между пабом «Солнце в песках» – знаешь, на перекрестке? – и поворотом на Киндбрук.

Еще через две недели находят Тоби Кендрика, тоже разрезанного на куски, его бросили под железнодорожным мостом в Льюишеме...

– Мне тошно все это слушать, – перебил Стэнфорд. – Для паба еще слишком рано?

– Я вполне могу к тебе присоединиться, – сказал Пеллача.

Было тепло, но воздух стал тяжелым. В кабинете повисла тишина, словно они оказались в «оке бури»²⁵.

– Оливер убил всех тех, кто над ним издевался, – продолжила рассказ Иствуд. – И он бы убил и прокурора, и судью, который председательствовал на трибунале, если бы его не остановила Хенли.

– Вы сказали, что он убил *всех*, кто над ним издевался, но жертв оказалось семь, – заметил Рамоутер. – Кто седьмой?

– Понятия не имеем. Оливер отказался сообщить.

Хенли моргнула, пытаясь отогнать воспоминания, и снова сосредоточилась на том, что происходило в кабинете.

– Оставленная на теле метка означает, что это не просто совпадение. Но также она означает, что мы имеем дело не с обычным серийным убийцей. С подражателем.

– Я не понимаю, – признался Рамоутер, склоняясь над письменным столом. – А почему подражатель начал действовать именно сейчас? Оливер сидит в тюрьме уже два с половиной года.

– Он не первый, – сказала Хенли, глядя прямо на Рамоутера. – Но человек, с которым мы имеем дело сейчас, все четко рассчитал, он явно хочет держать нас в постоянном напряжении, не давая расслабиться. Иначе зачем разбрасывать части тел там, где они оказались, да еще и с разницей в один день. И есть еще кое-что.

Хенли посмотрела на людей, которых знала, – Пеллачу, Иствуд и Стэнфорда. Они все смотрели куда угодно, только не на нее. Пытались скрыться от чувства, что старые призраки вернулись, чтобы снова их преследовать.

– Об этой метке никто не знал, – сказала Хенли, открывая фотографию с символами, вырезанными на коже у Зоуи. – Эти символы были частью *modus operandi*²⁶ Оливера. Его личным знаком. Его почерком.

– Я об этом не знал, – сказал Рамоутер. – О символах. Не читал о них.

– Вот в этом-то все и дело, юноша, – посмотрела на него Иствуд. – Об этом нигде не сообщалось.

– Мы скрывали эту информацию от прессы в период расследования и слушания дела в суде, – продолжила объяснения Хенли. – До начала слушания в суде произошло еще два убийства – действовал подражатель, поэтому судья запретил распространять информацию о деле. Газетчики даже обращались в Высокий суд с апелляцией, требовали отмены этого решения. Но судьи, которые рассматривали апелляцию, согласились, что публикация символов может нанести ущерб и...

– Сколько человек знали про эту метку? – перебил Рамоутер.

– Все, кто входил тогда в нашу группу. Еще Лин, Тереза и криминалисты из группы Энтони.

– Последний раз, когда я проверял, – сказал Пеллача, – Оливер содержался в блоке строгого режима в тюрьме Белмарш. Он проводит в камере по девятнадцать часов в день. Он практически ни с кем не общается, только с надзирателями и невезучими адвокатами, которых ему удается убедить попытаться подать апелляцию на вынесенный ему приговор.

²⁵ Око (или глаз) бури – область прояснения и относительно тихой погоды в центре тропического циклона.

²⁶ *Modus operandi* (лат.) – образ действия. Эта фраза означает привычный для человека способ выполнения определенной задачи.

– Найденные тела говорят о другом, – заявила Хенли. – Тут одно из трех. Или у нас подражатель-телепат, или это человек, который каким-то образом участвовал в изначальном расследовании и судебном процессе, или Оливер с кем-то беседовал.

– А мы точно не можем пойти в паб? – снова спросил Стэнфорд.

– Ты серьезно? – рявкнула Хенли.

– Прости, шеф. – Стэнфорд сел на стуле прямо. – С кем Оливер мог разговаривать?

– С тем, кто имеет к нему непосредственный доступ, – высказал предположение Рамоутер. – Может, он с кем-то переписывается. Но смысл?

– Оливер – нарцисс, эгоистичный, самовлюбленный психопат, – пояснила Хенли. – Может, он хочет позлорадствовать.

– А что, если это не он? – снова заговорила Иствуд. – А он спокойно сидит в Белмарше, занимается своими делами и решает sudoku. Утечка могла быть?

Хенли покачала головой.

– Не вижу смысла. Зачем кому-то сообщать эту информацию сейчас?

– Я не говорю про сейчас. Я говорю про то время, когда во главе нашего отдела стоял Раймс.

– Даже не заговаривай об этом, Иствуд, – произнес Пеллача жестким тоном. В его голосе звучало предупреждение.

Иствуд подняла руки вверх.

– Я не собираюсь плохо говорить о мертвых, – заявила она. – Я просто проговариваю вслух то, о чем, возможно, думает большинство из нас. Послушайте, здесь сейчас только мы, и всем нам хорошо известно, что Раймс не был ангелом.

– Про него много чего можно было сказать, Исти, но он никогда не допустил бы утечку такой важной информации, как эта, – сказала Хенли, защищая его после смерти гораздо решительнее, чем при жизни.

– Ты это говоришь, несмотря на все слухи, которые ходили? Почему он покончил с собой?

– Так, хватит, – вступил Стэнфорд, явно желая успокоить Иствуд, которая сильно завелась. – Утечка произошла не с нашей стороны. Как насчет криминалистов? Они не очень надежные ребята. Я не особо удивился бы, если бы какой-нибудь придурок, которого к ним временно прикомандировали, решил бы раскопать папку с делом, а потом оставил бы ее в вагоне метро. Не впервой.

– Послушайте, – заговорил Пеллача. – А почему убийцей не может быть какой-нибудь ревнивый бывший любовник? Вы уверены, что мы знаем все про отношения Дарего с Кеннеди? Она все честно рассказывала?

– Не говори ерунды, – пробормотала Хенли себе под нос.

– Или, может, Кеннеди досадил кому-то не тому, – продолжал Пеллача. – Он ведь сидел и за наркотики.

– Долг перед дилером? – спросил Рамоутер. – Последний раз его судили за это, когда ему было двадцать два года. Четырнадцать лет назад. Несколько поздноват, чтобы осознать, что Кеннеди продал кому-то восьмую вместо унции²⁷.

– Я сейчас просто выступаю в роли адвоката дьявола, – пояснил Пеллача. – Из того, что мы уже знаем про Дэниела Кеннеди, единственный человек, который пел ему дифирамбы, это его брат.

– Простите, шеф, – сказал Рамоутер, расправляя плечи. – По срокам никак не получается связать это дело с наркотиками.

– Я согласна с Рамоутером, – высказалась Хенли. – И я также не думаю, что была утечка информация.

²⁷ Обычная доза в Великобритании – 1/8 унции, или 3,5 г. 1 унция = 28,35 г.

Она понимала, что Пеллача хотел обсудить все аспекты дела, посмотреть на него под всеми возможными углами, но не могла игнорировать свою интуицию, которая подсказывала: они просто тратят время.

– Большинство людей, преднамеренно допускающих утечку информации, идут на это либо искренне полагая, что делают доброе дело, либо потому, что им платят. А этот парень, если это парень, хочет, чтобы его заметили. Хочет выделиться из толпы, – высказал свое мнение Рамоутер. – А вырезание отметок на теле... Что он там вырезает? Полумесяц и двойной крест?

Пеллача кивнул.

– Благодаря этим двум символам он точно выделится.

Глава 15

– Толковый парнишка. У него появляются интересные идеи, – заметил Пеллача, закрывая дверь в свой кабинет.

– Он задает правильные вопросы, – ответила Хенли. – Но еще рано делать окончательные выводы.

– Уже прошло два дня. А если быть абсолютно точными... – Пеллача посмотрел на часы. – Два дня, восемь часов и сорок две минуты с тех пор, как ты стала старшим следователем по этому делу.

Хенли опустилась на стул.

– Ты позвал меня сюда, чтобы проверить, как я справляюсь?

– Не надо так говорить. Во-первых, я выполняю свою работу, во-вторых, как ты думаешь, где бы я сам предпочел находиться? Работать «на земле» или сидеть здесь, в кабинете? Я слышал, что ты буркнула себе под нос. Сказала, что я говорю ерунду.

Хенли попыталась не обращать внимания на боль в голосе Пеллачи и не ответила. Она невольно вспомнила разговоры, которые они вели ночами в постели. Тогда Пеллача рассказывал ей о своих амбициях. Теперь у него было лицо человека, который дотянулся до самого большого апельсина на дереве, но фрукт оказался горьким.

– Что с ней? – спросил Пеллача.

– С кем?

– С девушкой. Узомамакой Дарего. Зоуи.

Хенли подумала, не соврать ли ему. Подать ему все под соусом «я просто хочу хорошо выполнять свою работу». Но Пеллача слишком хорошо ее знал.

– Зоуи напоминает мне ее, – призналась Хенли. – Мелиссу Гийма. Я тебе про нее рассказывала.

– Девушку из твоей школы, которая пропала?

– Она не училась в моей школе. Мы с ней вместе выросли. Она жила в одной из квартир в доме через дорогу. Полиция ничего не делала, прессу ее исчезновение не заинтересовало, никто и пальцем не пошевелил, пока не пропала пятнадцатилетняя белая девушка. Ее лицо было повсюду. Во всех газетах, во всех выпусках новостей, но Мелиссой нам пришлось заниматься самим. Это мы ее искали, развешивали постеры, пока я не нашла ее девять месяцев спустя.

– В реке, – тихим голосом произнес Пеллача. Он знал эту историю.

– Зоуи напоминает мне о ней. Вот и все. Кто-то выбросил ее, как мусор. Убийцу Мелиссы так никогда и не поймали. Я не хочу того же самого для семьи Зоуи или семьи Кеннеди.

– Этого не случится, – Пеллача шагнул вперед, словно хотел обнять Хенли, но вместо этого засунул руки в карманы. – А как ты вообще?

Хенли внимательно смотрела на Пеллачу, пытаясь понять, спрашивает ли он о ней в профессиональном плане или личном. Эти границы так давно размылись, что она никогда не могла точно это определить.

– В плане работы все прекрасно, – произнесла она медленно и очень спокойно. – Чего еще я могла пожелать? Я занимаюсь расследованием двойного убийства. Семьи жертв, обе семьи, кажется, говорят искренне, но ты же знаешь, какие бывают семьи. У всех могут быть спрятаны скелеты в шкафу.

– Но все тайное становится явным. Секреты всплывают наружу.

– Как, например, эти метки. Символы. – Хенли взяла со стола стопку клейких листочков и стала вертеть ее в руках. – Мы держали это в секрете, мы никому об этом не сообщали, но теперь... кто-то знает.

– Презумпция невиновности... Это может оказаться простым совпадением.

Хенли натянуто улыбнулась.

– Мы оба знаем, что это никакое не совпадение. Кто-то раскрыл рот. Нам только нужно выяснить, кто именно, а это означает, что мне нужно встретиться с Оливером.

– Что?! Зачем? Вообще-то не отвечай. Черт тебя побери! Должен быть какой-то другой способ.

– Нет другого способа. Врать не буду: я предпочла бы его *не* видеть, но не думаю, что у меня есть выбор. Кто-то использует его *modus operandi*, вплоть до вырезания символов на телах.

Пеллача повернулся к ней спиной и снял трубку телефона.

– Стивен, не надо отворачиваться от меня. Что ты делаешь?

– То, о чем ты попросила. Звоню в тюрьму, попрошу соединить с сотрудником, отвечающим за организацию встреч с осужденными, не знаю, как он там у них правильно называется.

– Это не может ждать.

– Я знаю. Если у меня не получится отправить тебя туда сегодня вечером, то пойдешь завтра утром. Так или иначе, ты его увидишь.

Хенли бежала со всех ног. Она видела его прямо перед собой, он несся вперед, топчя вереск. Она слышала крик Пеллачи: «Стоять! Полиция!» Резкие вспышки боли пронзали ее горящие голени, но она все равно бежала быстрее, не обращая внимания на металлические кольца наручников, которые били ее по ребрам. На секунду она потеряла его из виду, дышать стало еще тяжелее. Выхлопные газы попали ей в рот и стали спускаться вниз, в глотку. Он внезапно остановился, повернулся к ней и побежал...

– Нет, нет, нет, – пробормотала Хенли и резко проснулась.

Майка, в которой она спала, промокла от пота и прилипла к хлопковой простыне, на которой лежала Хенли. Пот струился между грудей. Она попыталась сбросить простыню, которой накрывалась, но та запуталась у нее между ног. Когда ее глаза привыкли к темноте, она увидела, что Роб лежит на спине, рот у него слегка приоткрыт, он сопит и даже не имеет представления о том, что с ней сейчас творится. Зеленые цифры на часах на прикроватной тумбочке показывали 3.48 утра.

Хенли стянула майку и вылезла из кровати. Она думала, что кошмары прекратились. Жуткие сны и панические атаки преследовали ее на протяжении нескольких месяцев. На глаза навернулись слезы, когда в ванной ее снова охватил страх. Она сняла шорты и включила душ.

– Нет... – вырвалось у Хенли, когда она почувствовала, как теплая струя мочи льется по внутренней стороне бедра.

Хенли покраснела от стыда, схватила полотенце, намочила его под струей воды и вытерла мочу с пола. Ее тело подсказывало, что она не может делать эту работу. Она медленно ломалась.

Хенли бросила мокрое полотенце в корзину для белья и шагнула под душ. Она прижалась головой к выложенной плиткой стене и вдохнула пар.

– Я не позволю этому случиться, – сказала Хенли, пока вода медленно стекала по ее спине. – Я не дам тебе меня сломать.

Глава 16

– Боже, какое депрессивное место, – сказала Хенли, когда они с Рамоутером оказались за покрытой ржавчиной дверью тюрьмы Белмарш. Внутри все казалось совершенно обезличенным. Стены и в коридоре, и в комнатах охраны были покрашены серой краской неприятного оттенка. Хенли с трудом удержалась, чтобы не помахать в одну из камер видеонаблюдения, установленных во всех углах. Каждую прикрывал небольшой черный купол. В будке охраны из пуленепробиваемого стекла сидела женщина. Она оторвалась от своей «Дэйли мэйл», подняла голову, посмотрела на Хенли, перевела взгляд на Рамоутера и вздохнула.

Рамоутер украдкой взглянул на Хенли, и этого взгляда было достаточно. Они мгновенно поняли друг друга и эту женщину из тюремной охраны – они всю жизнь сталкивались с предвзятым отношением из-за цвета кожи. Уловив это тончайшее проявление расизма, Хенли почувствовала, как у нее начинают гореть щеки. Она как будто услышала ее немой вопрос: «Что вы здесь делаете?»

Поняв, что женщина за пуленепробиваемым стеклом ухмыляется, Хенли резко постучала в стекло, опустила удостоверение сотрудников полиции и сложенный лист А4 в металлический лоток и стала ждать.

– Инспектор? Из отдела расследований? – уточнила женщина.

Хенли ждала, что та еще добавит: «Правда?» – ведь недоверие ясно слышалось в ее голосе. Но ничего подобного не прозвучало. Женщина за стеклом отошла в дальнюю часть кабинета и сняла трубку телефона.

– Да. Двое. Хорошо. Хорошо. Да, я знаю. Да.

Хенли раздраженно вздохнула и pokrutila головой. Она почувствовала, что потянула шейную мышцу. Женщина из охраны вернула им удостоверения и открыла дверь, которая вела непосредственно в тюрьму. Хенли и Рамоутера обыскали, заколку для волос Хенли пришлось выбросить в мусорную корзину. Потом они ждали, пока безликие сотрудники тюрьмы в диспетчерской сверят их отпечатки пальцев с отпечатками на их документах.

– Как они тщательно все проверяют, – заметил Рамоутер, надевая пиджак.

Перед ними открылась еще одна дверь. Тюремный надзиратель провел их мимо небольшого садика, в котором работали трое заключенных; все они были одеты в комбинезоны винного цвета. Клумбы с яркими георгинами казались совсем не к месту в таком безрадостном окружении. Заключенные прекратили работать и уставились на Хенли. Она проигнорировала свист, донесшийся до нее, пока она проходила мимо основного здания тюрьмы, направляясь к блоку строгого режима.

Хенли с Рамоутером пришлось пройти еще пятнадцать дверей, перед тем как они оказались в тюрьме внутри тюрьмы.

– Подождите здесь, – сказал надзиратель.

Вдали Хенли слышала звук работающего телевизора и стук захлопывающихся дверей.

Вскоре в коридоре вместе с черным лабрадором появились два человека – еще один надзиратель и мужчина невысокого роста.

– Доброе утро. Меня зовут Терри Уоллас. Я исполняю обязанности начальника тюрьмы. Вы, вероятно, инспектор Хенли? – он протянул руку Рамоутеру.

– Э-э-э... Нет, – ответил Рамоутер, делая шаг назад.

– О... приношу свои извинения.

Начальник тюрьмы повернулся к Хенли. Его натянутая улыбка исчезла, когда Хенли проигнорировала его руку. Он подергал за лацканы бежевый пиджак, который был ему явно велик, а затем сжал перед собой свои маленькие ручки.

– Мы сообщили мистеру Оливеру о вашем визите.

Хенли вопросительно приподняла бровь.

– Я придерживаюсь определенной политики: считаю необходимым напоминать заключенным, что в мои цели не входит их обесчеловечить, несмотря на то что их признали опасными для общества. Не все в нашем блоке строгого режима сидят за убийство.

– Да, у вас тут есть и насильники, и авторитеты преступного мира, и лидеры террористических групп, – сказала Хенли.

Она немного расправила плечи, выпрямила спину, чтобы никто не заметил, как она нервничает. Она почти не спала прошлой ночью и не смогла ничего съесть за завтраком. Они стояли в узком коридоре с искусственным освещением. Из-за жара, исходившего от четырех человеческих тел и собаки, стало трудно дышать. Хенли поняла, что на нее накатывает приступ клаустрофобии.

– У нас есть специальная комната, в которой обычно проходят встречи с адвокатами. Она сейчас свободна, и вы сможете устроиться там. Хотя мистер Оливер и выразил удивление вашим визитом, мне показалось, что он с нетерпением ждет встречи.

– С нетерпением?

– Его едва ли можно за это осуждать. Каждый день он видит только девять других мужчин, которые содержатся вместе с ним в этом блоке, и надзирателей.

Начальник тюрьмы приподнял рукав пиджака и взглянул на часы.

– Сколько, по вашим расчетам, продлится... эта встреча? Очень важно свести изменения в распорядке мистера Оливера к минимуму.

– Столько, сколько потребуется.

Исполняющий обязанности начальника тюрьмы Уоллас неодобрительно хмыкнул и вытер струйку пота с виска.

– А, вот и надзирательница Баджарами.

В дверь вошла надзирательница, которую Хенли с Рамоутером еще не видели. Она оказалась ниже ростом, чем Хенли, но не намного. Ее рыжеватые волосы были стянуты сзади в пучок, по виду ей было лет тридцать пять. В ее внешности не было ничего особенного, да и форма ей совсем не шла. Такая женщина легко могла затеряться в толпе, если бы не повыцветший синяк под левым глазом. На Баджарами была надета рубашка с короткими рукавами, и взгляд Хенли упал на царапины на ее правой руке, которые добавляли цвета татуировке в виде падающих звезд.

– Видели бы вы другого парня, – произнес начальник тюрьмы с легким смешком. – Как бы то ни было, меня ждут в других местах, инспектор Хенли, констебль Рамоутер.

С этими словами он кивнул и вышел за дверь, которую придерживала для него Баджарами. Она заперла ее за ним.

– Это сделал заключенный из блока предварительного заключения, – пояснила она. – Его отказались выпустить под залог, и у него снесло башню. – Надзирательница открыла еще одну дверь и подождала, пока Хенли и Рамоутер выйдут в следующий отсек, потом вышла сама и заперла за собой дверь. – Но, надо сказать, судья оказался слишком строгим. Парню всего двадцать два года, и он никогда не сидел.

– И вдруг выяснилось, что его отправляют сюда? – спросил Рамоутер, когда они втроем стали подниматься по лестнице.

– Именно так, – подтвердила Баджарами.

Она открыла дверь в помещение, сильно отличающееся от других. Комнатка была маленькой и светлой, с большим окном. Там стояли стол и стулья, надежно привинченные к

полу. Над камерой видеонаблюдения в дальнем углу непрерывно мигала красная лампочка, а вдоль стены, примерно на расстоянии вытянутой руки от стола, шла длинная черная резиновая полоса. Хенли задумалась, скольким адвокатам, врачам и полицейским приходилось нажимать тревожную кнопку за годы существования тюрьмы.

Когда Хенли в последний раз видела Оливера, он стоял у скамьи подсудимых в клетке, в Олд-Бейли. Женщина, старшина присяжных, встала со своего места, заметно дрожа, а сотрудник суда спросил ее, пришли ли присяжные к единому мнению и вынесли ли они приговор единогласно. Ее голос дрожал, когда она ответила «нет». И он так же дрожал, когда она ответила «да» на следующий вопрос: «Вынесли ли присяжные приговор, с которым согласны по крайней мере десять из вас?» Ее голос стал совсем тихим, когда она объявила, что Оливер виновен в семи убийствах.

Он стоял не двигаясь, когда зачитывали приговор. Он был в том же синем костюме от «Хьюго Босс», который надевал каждый день, пока шел судебный процесс. В отглаженном пиджаке и начищенных до блеска ботинках он не выглядел как убийца. Так выглядят финансовые консультанты, готовые посоветовать вам, как получить максимальную прибыль от инвестиций. Его выражение лица изменилось только один раз, когда старшина присяжных подтвердила, что приговор вынесен большинством голосов: за него проголосовали десять присяжных. Но два человека из состава присяжных посчитали его невиновным.

Хенли наблюдала за Оливером сквозь пуленепробиваемое стекло. Он разговаривал с одним надзирателем, пока другой вставлял ключ в замок наручников, сковывавших запястья заключенного. Оливер что-то сказал, и невысокий азиат-надзиратель покачал головой и рассмеялся. Оливер опустил руку на предплечье второго надзирателя, и Хенли дернулась. Наручники были сняты, и Оливер вошел в комнату, где находились Хенли с Рамоутер. У Хенли перехватило дыхание.

– Как давно мы не виделись, – произнес Оливер хриловатым голосом. – Ты хорошо выглядишь. Тебе придется извинить меня за такой голос. Я не очень хорошо себя чувствую. По ночам в камере сквозняк. – Оливер протянул руку. Хенли ее проигнорировала. – Вчера утром я видел тебя в выпуске новостей. Ты теперь инспектор, да?

Темно-голубые глаза Оливера опустились ей на живот, он явно хотел увидеть шрамы, которые оставил на нем. Его улыбка стала шире, и можно было рассмотреть идеально ровные зубы, только немного пожелтевшие от никотина. Его шарм никуда не исчез, но к нему добавилось что-то еще. Это был уже не тот человек, который два с половиной года назад зашел в Белмарш, но он не был и полностью сломлен.

– Садитесь, – твердым голосом сказала Хенли, кивая на стул напротив Рамоутера.

Баджарами, которая стояла у двери с ничего не выражающим лицом, покинула помещение.

– Ну почему ты ведешь себя так недружелюбно, инспектор? Столько времени уже прошло. Прощение – это путь к спасению, поэтому давайте будем вежливы друг с другом.

– Я сказала: садитесь. Я не в настроении играть с вами в игры.

– У меня совсем не бывает посетителей. Я получаю немало писем от своих поклонников и поклонниц, но маловероятно, что им разрешат прийти сюда и навестить меня. Время от времени ко мне приходит врач, но это совсем не то. Это не человек, который хочет увидеть именно меня. Поэтому я польщен, видя тебя здесь. Жаль, что ты посчитала необходимым привести с собой приятеля. Но, к счастью для тебя, я не ревнивый.

Оливер осмотрел Рамоутера с ног до головы.

– Ну, ты определенно посимпатичнее, чем тот мужик, который раньше всегда болтался рядом с нашим инспектором. В этом месте забываешь о хороших манерах. Мы ведь не были представлены друг другу. Как тебя зовут? По виду ты новенький. Свежие силы, да?

- Рамоутер. Стажер, констебль Рамоутер.
- А имя у тебя есть?
- Салим. Салим Рамоутер.
- Рад познакомиться с тобой, Салим Рамоутер. Ты новый партнер инспектора?
- Да.

Хенли выругалась про себя и сурово посмотрела на Рамоутера. Ей было совсем ни к чему, чтобы Оливер посчитал, будто он установил с ним связь.

– Я думаю, инспектор хочет, чтобы ты тут просто сидел и наблюдал за происходящим, – деловито продолжил Оливер. Он скрестил на груди руки, на которых заметно выступали вены. – Я у нее всегда был навязчивой идеей. Я помню, как впервые увидел ее. Она тогда стояла перед Скотленд-Ярдом и называла меня...

– Мы пришли сюда, чтобы задать вам несколько вопросов, – перебила Хенли, стараясь не называть его ни по имени, ни по фамилии.

– Она называла меня чудовищем, – продолжал Оливер. – А потом удивилась, когда я воткнул в нее нож. Я всего лишь защищался.

Хенли крепко сжала правую руку в кулак и впиалась ногтями в кожу, чтобы почувствовать боль.

– Мы пришли сюда, чтобы задать вам несколько вопросов, – повторила она.

– Ну. Задавай.

– В понедельник утром на берегу Темзы были найдены части человеческих тел – в Дептфорде и Гринвиче. Мужчины и женщины.

Оливер ничего не ответил. Его лицо застыло, словно гранитное.

– Вчера утром оставшиеся части тела женщины были найдены в Ледиуэлл-Филдс. Оба тела расчленены. Ноги. Руки. Голова. Все было отрезано от туловища и разбросано.

– Значит, слухи правдивы, – кивнул Оливер. – Но в новостях это не подтвердили. И не упоминали, что было две жертвы.

– Общественности пока не нужно об этом знать.

– Пытаетесь контролировать поток информации? Разумно, но в наши дни это трудно – появились социальные сети. А что общественность уже знает?

Хенли промолчала. Оливер пытался перехватить инициативу и контролировать ход беседы. Хотел продемонстрировать им с Рамоутером истинный баланс сил. Она с неохотой произнесла:

– Мужчину опознали. Его звали Дэниел Кеннеди.

– Дэниел Кеннеди, – медленно повторил Оливер. – Ты так произнесла его имя, будто я должен его знать. Он сидел в тюрьме?

– Сидел, – ответил Рамоутер. – Примерно два года назад. Провел полгода в Белмарше, потом его перевели в Хай-Даун.

– Салим, я отбываю очень долгий срок в блоке строгого режима. Я отношусь к категории «А». Мне не дают общаться с остальным населением этой тюрьмы. Меня считают чудовищем.

«Ты и есть чудовище», – произнесла Хенли про себя. Чем дольше она сидела напротив него, тем больше заводилась. Она поняла, что внимательно наблюдает за каждым его движением, что слишком бдительно за ним следит, ожидая, что Оливер может в любой момент попытаться ее убить.

– Эти имя и фамилия вам ничего не говорят? – спросила она.

Оливер не ответил. Вместо этого он встал, подошел к двери и постучал в небольшое оконце в ней. Тут же появился надзиратель и открыл дверь.

– Можете принести мне воды? У меня в горле пересохло. Очень жарко, столько людей.

Надзиратель кивнул.

– А Зоуи? – спросил Рамоутер у Хенли одними губами.

– Пока нет, – ответила она точно так же.

Несмотря на то что Оливер сидел в тюрьме, он определенно держал ситуацию под контролем. Казалось, никто, кроме Хенли, не видел, какую опасность он представляет.

Оливер вернулся на свое место и слишком долго смотрел на Хенли.

– Я не знаю никакого Дэниела Кеннеди, – в конце концов заявил он. – Что еще?

– Одна из жертв была найдена с вырезанными на теле полумесяцем и двойным крестом.

Хенли преднамеренно не сказала ему, кого из двух жертв нашли с этим символом. Она наблюдала за реакцией Оливера, но ее не последовало. Вернулся надзиратель с чашкой.

– Я искренне надеюсь, что ты не считаешь, будто это сделал я, – заявил Оливер.

– Это те же самые символы, которые вы вырезали на телах своих жертв, на всех семи.

Оливер перевел взгляд на Рамоутера, когда поднес чашку к губам и начал пить.

– Об этих символах знало совсем немного людей, – продолжала Хенли. – Это...

Оливер поднял левый указательный палец вверх, продолжая пить, таким образом заставляя Хенли замолчать.

– Это ваши метки. Ваш почерк. – Хенли повысила голос, теряя самообладание. Бетонные стены в маленькой комнатке делали каждое ее слово еще громче. Оливер поставил пустую чашку на стол. Уголки его губ слегка дернулись. – Жертвы вам незнакомы, они для вас никто. Но использован ваш стиль убийства. Все это указывает...

– На явное совпадение? – спросил Оливер с почти искренним любопытством.

– Маловероятно. Мне нужно знать, рассказывали ли вы кому-то о том, что делали со своими жертвами.

Оливер не ответил.

– Другим заключенным, надзирателям, посетителям? – перечислил Рамоутер.

Оливер расхохотался. Это был хрипловатый гортанный смех.

– Посетителям? Откуда им взяться? Ко мне никого не пускают, кроме адвокатов.

– Адвокатов? – осторожно переспросила Хенли.

– Конечно. Один все еще продолжает работать. Мы обсуждаем подачу апелляции. Не очень лестно, когда тебя называют убийцей с пилой, правда, инспектор?

– Вы убили семь человек. И вы считаете, что у вас есть основания для подачи апелляции? – не веря своим ушам, переспросил Рамоутер.

Оливер снова рассмеялся, потом повернулся к Хенли и подмигнул.

– Вы можете назвать какую-то причину появления этих символов на телах жертв? Ваших фирменных меток? – твердым голосом спросила Хенли, стараясь вернуться к теме разговора.

Ответа не последовало.

– Кто-то остающийся на свободе пытается передать вам послание?

Оливер сложил руки на груди и откинулся на спинку стула.

– Кто-то пытается привлечь ваше внимание? – продолжала Хенли.

Оливер хмыкнул и повернул голову к Хенли.

– Если вы работаете вместе с кем-то, если эти убийства имеют какое-то отношение к вам, то говорю вам прямо сейчас...

– Это, должно быть, тебя просто убивает, – медленно произнес Оливер.

Оливер неотрывно смотрел на нее – и все мышцы на спине Хенли напряглись.

– Вот оно как вышло-то. Ты сидишь здесь со мной. И просишь меня о помощи.

– Не льстите себе, – ответила Хенли. – Это не просьба о помощи.

– А что тогда? Ты пришла сюда спросить у меня, что я знаю. Ты в крайне затруднительном положении.

Хенли откинулась назад.

– Я в крайне затруднительном положении? Ну, это вряд ли. А знаете, что думаю я? Я думаю, что вы тут сгораете изнутри. Вы заперты здесь без шансов на помилование. Вас вывезут

отсюда только вперед ногами в деревянном ящике, кремируют и выбросят пепел в ближайший мусорный бак.

– Осторожно, инспектор!

– Вы заперты здесь, пока кто-то орудует на свободе, режет тела, ставит на них вашу метку, а вы ничего не можете с этим поделать.

– Осторожно, – повторил Оливер тихим голосом, зловещим и угрожающим.

– Не вы здесь командуете парадом, – отчеканила Хенли.

Оливер улыбнулся, но больше ничего не сказал.

Рамоутер попытался сдержать кашель в наступившей тишине. Часы Хенли остались в машине, в бардачке. В этой комнате часов не было. Казалось, минута здесь идет за час.

– Мы закончили, – объявила она Рамоутеру.

Хенли попыталась взять себя в руки, когда Рамоутер встал и быстро пошел к двери. Она слышала шорох одежды Оливера – он повернулся, чтобы посмотреть, как она уходит. Хенли не оглядывалась назад. Она не могла допустить, чтобы Оливер видел отчаяние у нее на лице и то, какие ей пришлось приложить усилия, чтобы удержать себя в руках.

Глава 17

Доктор Марк Райан выглядел как настоящий судебный психолог. Уверенный. Вызывающий доверие. У него был уютный кабинет, который располагался в здании бывшей кондитерской фабрики в Бермондси. В кабинете было тепло. Комфортно. Спокойно. Никогда не скажешь, что в этом месте звучат истории о травмах, предательстве, потере веры в себя, тревогах и волнениях, а иногда стоит просто оглушительная тишина. Но Хенли не могла расслабиться.

– Анжелика, ты выглядишь так, словно злишься на меня. Ты расстроена? – спросил Марк, устраиваясь в кожаном кресле напротив нее.

– Ты прекрасно знаешь, что я на тебя не злюсь, – ответила Хенли и взяла чашку чая, которую Марк поставил на кофейный столик.

– Последние три месяца я говорил тебе, что ты еще не готова вернуться к работе «в поле». Ты просто меня не слушала. Я уверен, что твой психотерапевт сказал бы тебе то же самое.

– Я перестала к нему ходить, – сообщила она.

– Что? Как перестала? Когда?

– Примерно семь недель назад.

– Ради всего святого! Почему?

– Ты знаешь почему. Доктор Эфзал слишком категоричный.

– Это ты его так воспринимаешь.

– Да как бы там ни было. Я предпочла бы тебя.

– Я тебе уже говорил, что в моей профессии есть незыблемые правила. Должны соблюдаться границы между психотерапевтом и пациентом. А мы с тобой вместе напивались в пабе «Маркет Таверн», чем явно пересекали эту черту.

Хенли улыбнулась, вспоминая тот маленький паб, куда они вместе пошли после того, как Эбигейл Бернли вынесли приговор за убийство пятнадцати человек.

– Значит, я спрашиваю тебя как друг. Не как психотерапевт, потому что это было бы неэтично, – снова заговорил Марк. – Каково тебе вернуться на работу?

Хенли откинулась на спинку дивана и постаралась подобрать правильные слова. Она не могла рассказать ему про паническую атаку прошлой ночью. Она уже постаралась о ней забыть, затолкала в дальний уголок сознания.

– Комфортно. Я чувствую себя комфортно. Это неправильно, да? – заговорила Хенли, глядя в окно за головой Марка. Они сидели на четвертом этаже, из окна были видны очертания города. – Наверное, мне не следует чувствовать себя комфортно среди всего этого.

– Если бы я был твоим психотерапевтом (а я им не являюсь), я сказал бы, что не мне определять, правильно или неправильно то, что тебе комфортно. Если ты так себя чувствуешь, значит, ты так себя чувствуешь.

– В безопасности.

– Что? – Марк поднял голову.

– Я чувствую себя в безопасности, когда работаю «на земле», вернувшись на улицы из кабинета. Это странно, потому что на наших улицах совсем не безопасно, тогда как сидеть в кабинете... – Она запнулась, но, судя по выражению лица Марка, он не собирался ее осуждать, а, наоборот, хотел подбодрить, и Хенли продолжила: – В кабинете у меня было ощущение, будто меня наказывают за что-то, в чем я не виновата. *Он* наказал меня за ошибку, которую допустил *он* сам.

– Он? Ты имеешь в виду Пеллачу?

– Нет. – Хенли поставила чашку с чаем на стол. Марк забыл положить сахар. – Нет. Я имею в виду *его*. Раймса.

– Ты почти не говоришь о нем, что странно, учитывая, как вы были близки.

– Говорить не о чем. Он мертв. А мы должны жить дальше.

Марк открыл рот, чтобы что-то сказать, но решил, что лучше этого не делать.

– Он нашел легкий выход. Оставил нас всех в полном дерьме. Я ожидала от него большего.

Хенли не была уверена, с чего она вдруг разговорилась. Она возненавидела терапию с того момента, как ей приказали еженедельно ходить на сеансы к доктору Эфзалу. После того как она вообще смогла выходить из дома, первые шесть месяцев она почти ничего не говорила, просто сидела как на иголках. Ей не нравилось, когда ее что-то заставляли делать, и в особенности ей не нравилось, что ее заставляли говорить о том, что с ней сделали.

– Ты до сих пор на него злишься? На Раймса? – уточнил Марк. – Вообще это не так уж необычно – испытывать такие чувства по отношению к близкому тебе человеку, который совершил самоубийство.

– Я не злюсь. Это лишняя трата энергии и времени.

Хенли задумалась, понимает ли Марк, что она врет. На самом деле она до сих пор *злилась* на Раймса. Каждое воспоминание приносило боль. У нее сердце кровью обливалось каждый раз, когда она думала о том, что сделал Раймс.

– Ты сообщила Робу, что снова вышла на улицу? – спросил Марк.

– Вышла на улицу? – Хенли не могла не рассмеяться. – Ты это так сформулировал, будто я проституткой работаю.

– Прости. У меня был трудный день, но ты знаешь, что я имел в виду.

– Да, я сообщила ему вчера вечером. Не то чтобы он прыгал от радости и желал мне успехов.

Хенли почувствовала, как напряглись ее плечи, когда она вспомнила реакцию Роба. Он обвинил Хенли во вранье; в том, что карьера для нее важнее семьи. Утром, когда она собиралась на работу, Роб с ней не разговаривал.

– На самом деле ты не можешь его винить, – заметил Марк.

– Я знаю, что не вправе это делать, но послушай, я пришла сюда не для того, чтобы говорить обо мне. Я пришла по делу.

И Хенли рассказала Марку о том, как идет расследование.

– Я ничего об этом не слышал в новостях, – сказал Марк.

– Пока не было заявления для прессы. Тела из Темзы достают каждый день. Это едва ли можно назвать новостью. Но два расчлененных трупа, найденные с разницей в один день... Это, конечно, новости, но нам совершенно не нужно, чтобы это муссировали в СМИ.

– А есть хоть какие-то зацепки? Подозреваемые?

– Есть пара теорий, которые мы рассматриваем. Мечь. Может, бывший парень или брошенная женщина...

– Несмотря на то что расчленение – это, безусловно, демонстрация силы и крайней степени ненависти по отношению к жертве, для женщин это все-таки нетипично. Расчленение – это психологическая форма завершения дела, получения окончательного удовлетворения. Для этого требуется хладнокровная целеустремленность. Женщины – без обид, Анжелика, – более... эмоциональны.

– Я и не обиделась. А как насчет мести?

– Если бы это была месть, то ваш убийца сосредоточился бы на одной цели. Убил бы или нового парня, или подругу, но убить обоих, а потом обоих расчленить... Я считаю, что это не месть.

– А подражатель может быть?

Хенли нашла в телефоне фотографии символов, вырезанных на коже у Зоуи.

– Секундочку. – Марк снял очки и протер стекла галстуком. – Это полумесяц и двойной крест?

Хенли кивнула.

– Последний раз я видел такое, когда орудовал Питер Оливер. Эти метки вырезаны на обоих телах?

– Только у Зоуи. И в связи с этим мне пришлось встретиться с Питером Оливером сегодня утром.

– Прости. *Что* пришлось сделать?

– Ты слышал, что я сказала, Марк.

– И ты мне перед этим не позвонила? Мы бы с тобой все проговорили. Я бы тебя подготовил.

– Ты же не мой психотерапевт. Забыл?

– Но все равно... Как разговор? Как он?

– Отвратительный. Бесполезный. Я не хочу об этом говорить, – уклончиво бросила Хенли. – Мне от тебя кое-что нужно. Можешь подготовить для меня психологический портрет преступника?

– Конечно, могу, но мне нужен отчет о следствии... Ну, та ее часть, которую вы можете мне предоставить. И вся информация, какая только есть, о жертвах.

– У меня для тебя все уже приготовлено, – сказала Хенли, вручая ему флешку.

– Отлично. Дай мне пару деньков, и я все сделаю.

У Хенли к горлу подступила тошнота, когда она встала с дивана. Она положила руку на спинку стула, чтобы удержаться на ногах.

– Эй, с тобой все в порядке?

– Просто слишком быстро встала. Все нормально.

– Нет, не нормально. Встреча с Оливером запустила у тебя в голове какой-то процесс. Анжелика, когда-нибудь тебе придется проговорить то, что с тобой случилось, причем не с точки зрения полицейского, а с точки зрения жертвы. Выжившей после ужасного испытания.

– Не надо меня так называть. Не называй меня «жертвой», «выжившей». Это звучит так, будто я... слабая.

– Разве выжить после ужасного испытания – это признак слабости?

– Я не хочу, чтобы на меня навешивали ярлыки.

– Посттравматическое стрессовое расстройство просто так не исчезает. Я хорошо тебя знаю, Анжелика. Ты любишь все раскладывать по полочкам.

– Это помогает мне хорошо выполнять мою работу.

– Работа – это одно дело, но ты раскладываешь по полочкам и всю свою жизнь. Это совсем другое.

– В моем случае это срабатывает.

– На каком-то этапе эти твои полочки переполнятся. Ты через многое прошла. И что-то ты до сих пор пытаешься осмыслить. После смерти твоей матери прошло всего семь месяцев. Я даже не уверен, оплакала ли ты ее как следует.

– Плакать уже поздно, а ты не должен проводить со мной сеансы психотерапии.

Хенли попыталась улыбнуться, но у нее ничего не получилось. Она посмотрела на часы. Было уже двадцать минут девятого. Она пропустила время, когда Эмму нужно укладывать спать. Вероятно, Роб встретит ее с каменным выражением лица и в полной тишине, когда она наконец вернется домой; и винить его будет не в чем.

Марк подошел к письменному столу и открыл ящик.

– Если ты не собираешься больше ходить к доктору Эфзалу, позволь мне по крайней мере порекомендовать тебе одного специалиста.

Хенли взяли визитку из рук Марка.

– Доктор Изабель Коллинс?

– Она очень хороший специалист. Позвони ей, если все-таки передумаешь насчет психотерапии.

– Я ничего не обещаю, – ответила Хенли.

В это мгновение у нее в кармане начал вибрировать телефон. Она прочитала сообщение от Эзры: «Можете вернуться в отдел? Оч важная инфа о Ледиуэлл».

Хенли хотелось ответить «нет». Ей нужно было вернуться домой, чтобы провести время с собственным ребенком, посмотреть, как Эмма спит, поцеловать ее в лобик. Побывать матерью!

– Марк, что-то случилось. Мне нужно вернуться в отдел, – раздосадованно сказала Хенли. – Спасибо тебе за все.

– Никаких проблем. Просто помни: если это подражатель и он следует *modus operandi* Оливера, то будут еще трупы, и, вероятно, гораздо раньше, чем ты думаешь.

Глава 18

«Он вороватый жулик и обманщик».

Именно так Раймс назвал Эзру Уильямса, когда Пеллача рассказал ему о своей гениальной идее предложить Эзре работу в ОРСП через две недели после того, как его выпустили из тюрьмы Колдингги.

«Свояк свояка видит издалека», – заметил тогда Эзра, снимая пластиковую пленку с контейнера со сладким карри. Раймс неразборчиво пробормотал что-то себе под нос и впился зубами в роял-чизбургер, а Эзра заметил: «Это нарушение моих прав человека, брат».

Эзра с неохотой явился в ОРСП с ноутбуком в сумке, электронным браслетом на ноге, а также, к невыразимому восторгу Раймса, двумя макмаффинами с яйцом и беконом на завтрак. Он два дня сидел со своим ноутбуком в углу оперативного штаба, а потом потребовал перевести его в какое-нибудь другое помещение, где ему целый день не придется смотреть на трупы.

Рамоутер зашел в кабинет Эзры.

– Секундочку подожди, – сказал Эзра, что-то печатая на клавиатуре. – Так, я закончил. – Эзра развернул огромное кожаное кресло, которое подошло бы для съемочной площадки «Мастермайнд»²⁸. – Итак, телефон.

– Да, нас интересует телефон и электронный браслет Кеннеди. Хенли сказала, что ты с ними закончил.

²⁸ Мастермайнд («Выдающийся ум») – телевизионное игровое шоу, которое уже больше тридцати пяти лет идет на BBC – за определенное время нужно дать как можно больше правильных ответов на вопросы.

– Никто никогда не узнает, что я с ними вообще работал, – с гордостью объявил Эзра, встал, потянулся и направился к шкафу в углу кабинета. Он открыл ящик и достал два запечатанных пакета для вещдоков.

– Ты что-то выяснил? – спросил Рамоутер, забирая пакеты у Эзры.

Эзра сложил руки на груди и склонил голову набок.

– Ты серьезно спрашиваешь меня, выяснил ли я что-нибудь?

– Я пока не знаю, насколько ты классный специалист, поэтому вынужден спрашивать.

– Не знаешь. А я знаю, что ты меня гуглил. Вероятно, пытался зайти в систему и найти папки с делом, по которому я проходил. И одновременно пытался вытащить дело Оливера из архива.

– Как ты...

– Считаю меня стражем ворот в нашем отделе.

– Так как мне добраться до нужных файлов?

– Друг, тебе нужно поучиться терпению. Медитацией не пробовал заниматься?

– Что?

– Нужно действовать немного более осознанно, а то могут перегореть предохранители. Я разобрался с твоим уровнем доступа. Ты теперь соединен с нашим защищенным сервером. Это тебе не облака какие-то.

– А бумажные папки у вас тут есть?

– В подвале, – кивнул Эзра. – Так, давай вернемся к телефону Кеннеди. Совершенно новый. Всего три месяца. SIM-карта в нем тоже новая. Тариф без абонентской платы. В памяти всего несколько номеров: брат, инспектор по условно-досрочному и некто по имени Ринс. По мне, так похоже на погоняло дилера.

– А текстовые сообщения? ВотсАп? Мессенджеры?

– Ничего. Телефон почистили. Текстовых сообщений нет. Чат в ВотсАп очистили, но это ерунда. Люди – идиоты. Они думают, что, нажав на «удалить», все стирают.

– Значит, ты что-то нашел?

Эзра подошел к маленькому холодильнику и достал бутылку зеленого сока, который, как показалось Рамоутеру, излучал холодное свечение.

– Аккаунт в ВотсАп не привязан к этому телефону, точнее к SIM-карте, которую ты держишь в руках.

– А к чему он привязан?

– Очевидно, к другой SIM-карте, другому номеру телефона и другому аппарату, брат.

Рамоутер попытался упорядочить полученную информацию у себя в голове. Он устал. Он взял стул и сел.

– Хочешь зеленого сока? – предложил Эзра, протягивая бутылку. – Шпинат, листовая капуста, яблоко, немного зеленого лимона и имбирь. Очень хорошо приводит в чувство. Бодрит!

– Нет, со мной все в порядке. Значит, есть еще один телефон?

– Да. Не обижайся, но я буду с тобой разговаривать как со своим дедушкой. Когда он говорит по скайпу, восемьдесят процентов времени я вижу чертов потолок у него в комнате.

Рамоутер рассмеялся.

– Когда ты регистрируешься в ВотсАп, требуется ввести телефонный номер. После этого тебе приходит сообщение с кодом подтверждения. Ты вводишь этот код, потом можешь пользоваться. Это понятно?

– Да, понятно.

– А теперь представь, что тебе нужен новый телефон. Ты покупаешь новый аппарат и новую SIM-карту, но по какой-то непонятной причине хочешь, чтобы люди продолжали связываться с тобой по ВотсАп, но не хочешь, чтобы у них был твой новый номер телефона.

Рамоутер кивнул. Пока ему все было понятно.

– Ты загружаешь ВотсАп, и они тебя спрашивают, хочешь ли ты использовать уже существующий аккаунт. Понятно?

– Да. И ты собрал информацию по старому номеру?

– Конечно. Я извлек этот номер и поработал с ним по-своему.

– Что значит «по-своему»?

– Подробности тебе знать не нужно. Я могу только сказать, что выяснил оператора, а у них информации куча. Этот номер работал до утра вторника.

– Вторника? Но тело Кеннеди нашли в понедельник утром.

– Становится любопытнее и любопытнее, да? Тут одно из двух. Или кто-то его спер и пользовался, пока деньги не закончились. Или он до сих пор у того, кто его забрал.

– Проклятье! А что с браслетом? – спросил Рамоутер.

– С браслетом еще интереснее. Ему прикрепили один из этих новомодных, подключенных к GPS. Не то что та бесполезная дрянь, которую носил я. Для него это было плохо, а для нас хорошо. С таким браслетом отслеживаются абсолютно все передвижения, а он постоянно где-то шляется. Адвокаты у Лондонского моста, Кэмден, «Аптон-Парк». Я и за деньги на «Вест-Хэм»²⁹ не стал бы смотреть, ну да ладно. – Эзра ненадолго замолчал и прищурился. – А, да. Еще Суд короны Блэкфрайерс³⁰, Льюишемская больница, местная библиотека. Занятой был человек. Но когда наступал комендантский час, он никуда не ходил. Хотя не могу сказать, что он был таким послушным мальчиком до того, как на него надели браслет.

– Когда его надели?

– Активировали двадцать девятого августа.

– Кеннеди выпустили из-под стражи двадцать шестого. А сигнал когда прекратился?

– Шестого сентября в 23:47. Но когда сигнал прервался, Кеннеди был не в хостеле.

Эзра перевел взгляд с Рамоутера на Хенли, появившуюся в дверном проеме с чашкой кофе, на которой было неправильно написано ее имя.

– Шеф, простите, что снова выдернул вас.

– Все в порядке, Эзра. Что ты хочешь сказать? Как это Кеннеди не было в хостеле? – спросила Хенли.

– Я к этому и веду, – продолжил Эзра. В это мгновение один из лежавших на столе телефонов начал звонить. – Кеннеди не было в хостеле, когда электронный браслет отключили. Он был в парке Ледиуэлл-Филдс.

Глава 19

Хенли не могла оторваться от фотографий Дэниела Кеннеди и Зоуи Дареги. Обреченные влюбленные. Желание найти их убийцу усиливалось с каждой секундой, но в первую очередь ею двигала особая связь, которую она ощущала с Зоуи. Как и у Мелиссы, ее жизнь рано оборвалась. Она была чьей-то дочерью, чьей-то подругой. Сестрой. Судя по лаку на ногтях, помаде и черно-пурпурным прядям в недавно сделанной прическе, она заботилась о своей внешности. Но ее ногти, поломанные и расслоившиеся, рассказывали совсем другую историю. Они говорили о том, что она пыталась откуда-то сбежать. Она что-то царапала, рыла ногтями, чтобы выбраться. Но откуда?!

– Что нам известно? – спросила Хенли у Рамоутера.

²⁹ «Аптон-Парк» – район в Лондоне и название стадиона футбольного клуба «Вест-Хэм».

³⁰ Суд короны является уголовным отделением Высокого суда. Упомянутое отделение находилось недалеко от Блэкфрайерс-роад и от нее получило свое название. Закрыто с 20 декабря 2019 года.

Они сидели в кабинете через две двери от комнаты, которую Эзра называл своей лабораторией. В кабинете было тихо и прохладно. Рамоутер выглядел взволнованным и возбужденным. Хенли знала, что он хочет расспросить ее про Оливера и про то, о чем тот сегодня упомянул. Хенли приподняла рубашку повыше пупка.

– Оливер ударил меня ножом, когда я попыталась его арестовать, – она показала шрамы у себя на животе. – Я неделю лежала в больнице, ему предъявили обвинение в попытке убить меня. Вопросы есть?

– Нет. Никаких.

На несколько секунд воцарилось неловкое молчание, пока Хенли заправляла рубашку.

– Что нам известно? – снова спросила Хенли.

Рамоутер сверился со своими записями.

– Дэниел Кеннеди и Зоуи Дарега состояли в отношениях примерно два года, но не жили вместе. Зоуи работала в Льюишемской больнице.

– А Кеннеди находился в парке, когда его электронный браслет прекратил подавать сигнал. И Зоуи нашли в этом парке, – добавила Хенли.

– Выпадают четыре дня между исчезновением Кеннеди и обнаружением его тела, останки тела Зоуи были обнаружены через пять дней. Доктор Чой утверждает, что ей сначала отрезали руку, а все остальное через день или два. Так что делал наш убийца? Держал Зоуи несколько дней у себя, наблюдая, как она страдает, чтобы потом прикончить? Значит, он больной.

Рамоутер откинулся на спинку стула.

– Мы знаем, что Кеннеди полностью соблюдал все предписания после освобождения из-под стражи, – снова заговорила Хенли. – Он человек привычки, но что-то (необязательно кто-то) заставило его снять браслет. Что может заставить тебя делать то, что ты не хочешь?

– Сестра моей жены.

Хенли не могла сдержать улыбку.

– Кроме сестры твоей жены. Урок номер один: не беги впереди паровоза. Всегда внимательно слушай задаваемый вопрос. Я спросила не *кто*, а *что*. Что может заставить тебя делать то, что ты не хочешь?

– Угроза. Если кто-то угрожает мне или близкому мне человеку. Но меня беспокоит другое. Электронный браслет Кеннеди. Почему он потратил время на то, чтобы срезать браслет и сломать его, если считал, что Зоуи угрожает опасность? Если бы я был на его месте, я бы наплевал на это. Рискнул бы, попытался бы все объяснить судье после ареста за нарушение условий освобождения. Браслет прекратил подавать сигнал в Ледиуэлл-Филдс, но мы его нашли сломанным под кроватью. Как он там оказался?

– Хороший вопрос, но мы пока не можем ответить даже на главные: где, кто и почему. *Где их убили? Кто их убил? Почему?*

– Связи между Зоуи и Кеннеди недостаточно? – спросил Рамоутер.

– Нет, – Хенли закрыла блокнот. – Какие будут наши следующие шаги? Какие еще у нас имеются улики?

– Записи с камер видеонаблюдения в том районе, где было найдено тело Зоуи, а также записи, предоставленные Гринвичским муниципалитетом. Единственное, отсутствуют записи с берега реки.

– А чего у нас нет?

– Свидетелей и оставшихся частей тела Дэниела Кеннеди. Не хватает его правой руки, – поморщившись, сказал Рамоутер.

Хенли взглянула на часы.

– Уже поздно. Тебе пора домой. Я завтра с утра приду пораньше. Эзра мне сказал, что ты пытался добраться до папок по первому делу.

– Я ничего не вынюхивал, не пытался совать нос не в свои дела и все в таком роде, – быстро ответил Рамоутер. – Я просто подумал, что не помешает посмотреть материалы дела.

– Посмотреть, не упустили ли мы что-то?

Хенли приложила руку к груди, как будто была оскорблена до глубины души.

– Что? Нет. Конечно, нет... Я просто...

– Успокойся. Я пошутила. Ты можешь взглянуть на дело свежим взглядом. Посмотри, может, обратишь внимание на что-то, что было упущено при проведении изначального расследования. Может, что-то просто бросится тебе в глаза.

Хенли наблюдала за собиравшим вещи Рамоутером и никак не могла отделаться от одной мысли, которая вертелась у нее в голове. А что, если Рамоутер *действительно* обнаружит, что она что-то упустила?

Рамоутер сидел на полу у себя в гостиной в шортах и старой майке футбольного клуба «Вест Бромвич Альбион» с номером «8». Он открыл все окна, но вентилятор, цену на который явно завысили, только гонял по комнате горячий воздух и никак не помогал. Он взял последний спринг-ролл и опустил его в шприачу³¹. Ему было стыдно за то, как он теперь питался. Содержимое его холодильника не пополнялось. Там стояли две пинты³² молока, лежала половина буханки хлеба, яйца и сосиски в тесте, которые он купил вечером в воскресенье.

Он распечатал материалы дела с флешки. Бумаги были разложены вокруг него на полу. Он придавил их пультом, мобильным телефоном и двенадцатикилограммовой гирей, чтобы не разлетелись. Рамоутер взял в руки фотографию Оливера, сделанную после ареста. Оливер улыбался в камеру, лицо у него было заостренным, но определенно красивым. Эдакая суровая красота и магнетизм. Рамоутер почувствовал на себе силу его очарования, когда они встретились лично. На фотографии у Оливера была разбита губа, а на носу оставалась запекшаяся кровь. Левый глаз опух и был налит кровью. В материалах дела говорилось, что Оливера арестовал Пеллача и он оказал сопротивление при аресте. Судя по виду Оливера, Рамоутер почти не сомневался, что Пеллача использовал не только тазер³³, когда Оливер порезал Хенли ножом. Оливер за восемь недель убил семь человек и разбросал их тела в разных местах в юго-восточной части Лондона. Рамоутер поднял с пола еще одну фотографию, вымазав соусом низ страницы. Последняя жертва. До сих пор не опознанная. И до сих пор не найдена голова. Ноутбук Рамоутера издал сигнал, означающий, что ему пришло письмо. Это было сообщение из тюрьмы Белмарш, от отдела, занимающегося допуском посетителей. У Оливера не было ни семьи, ни друзей, но за последние три месяца заявления подали сорок три человека, которые хотели его навестить. Оливер согласился встретиться только с одним.

– Кто такой этот Чанс Блейн, черт его побери? – пробормотал Рамоутер в пустоту.

Глава 20

В четверг с утра Хенли с Рамоутером не успели провести в отделе и часа, когда Джоанне позвонил полицейский из отделения в Дептфорде. Нашли еще одно тело, разрезанное на куски, его подбросили во двор церкви Святого Николая. Церковь была частично отгорожена от окружающей ее территории, принадлежащей муниципалитету. Рядом, за забором, также находился частный участок, на котором возвышался многоквартирный дом.

– Выглядит не очень гостеприимно. Как-то мрачновато для церкви, – высказал свое мнение Рамоутер, останавливаясь у открытых ворот.

³¹ Шприача – острый тайский соус.

³² 1 пинта = 0,568 л.

³³ Тазер – полицейский электрический пистолет, стреляющий металлическими стрелами, которые в действительности несут на себе заряд. После выстрела может использоваться как контактный электрошокер.

По обеим сторонам ворот на столбах красовалось по черепу с костями. На них смотрел пустой глаз, будто пронзая взглядом и бросая вызов: осмелитесь зайти? Перед мысленным взглядом Хенли черепа сменились головой Зоуи. Она содрогнулась.

– В детстве мы обычно говорили, что это пиратская церковь, – у Хенли на губах мелькнула легкая улыбка от этого воспоминания. – Нам кто-то сказал, что эти черепа и кости послужили вдохновением для «Веселого Роджера».

– Серьезно? – Рамоутер снова задрал голову, перед тем как последовать за Хенли по забетонированной дорожке, ведущей к зданию церкви.

– Нет. На самом деле они здесь, чтобы напоминать прихожанам о неминуемом конце и о том, что есть жизнь после смерти.

– Вы выросли в этом районе? Я помню, как старший в группе криминалистов, Энтони, говорил, что вы хорошо знаете территорию у реки.

– Да, – кивнула Хенли. – С другой стороны парка.

– Местная девчушка, которая многого добилась.

– Это смотря с чьей точки зрения. Так, давай-ка...

Звонок мобильного телефона Рамоутера не дал Хенли закончить фразу. Она замолчала, Рамоутер виновато на нее посмотрел, перед тем как повернуться к ней спиной, чтобы ответить на звонок, и отошел. Через несколько минут Рамоутер робко вышел из-за белого грузового автофургона, рядом с которым полицейский огораживал территорию сине-белой лентой.

– Закончил? – с сарказмом спросила Хенли, когда Рамоутер вернулся.

– Простите. Это... Неважно. Простите.

Хенли уже подумывала поподробнее расспросить его про этот звонок, но передумала. Последнее, чего ей не хватало, – это сблизиться с ним.

– Пошли, – позвала Хенли, роясь в карманах в поисках перчаток.

Она сошла с дорожки и стала пробираться по разросшейся траве, между надгробий и памятников, на которых уже давно стерлись имена усопших. Вся деятельность была сосредоточена на участке позади церкви, где возвышалась средневековая колокольня. Энтони со своей группой криминалистов уже трудился на месте, а молодой человек с характерным черно-белым воротничком пастора и закатанными рукавами разговаривал с двумя полицейскими в форме.

– Здесь три входа на территорию церкви, – пояснила Хенли, жестом подзывая женщину-полицейского, которая стояла рядом с маленькой бледной старушкой, крепко сжимавшей в руках собачий поводок. На земле тихо лежал стаффордширский бультерьер.

– Нам нужно поговорить с пастором. Насколько я понимаю, рядом с вами сейчас стояла свидетельница, Джанин Муллинс? – уточнила Хенли у женщины-полицейского, предъявляя той свое удостоверение.

– Да. Я записала ее показания. – Она опустила руку в задний карман, достала блокнот и вручила Хенли. – Простите, почерк у меня ужасный.

– Ничего страшного.

Хенли пролистнула страницы, потом передала голубой блокнот Рамоутеру. Тот вернул блокнот назад с гримасой отвращения.

– Она видела, как лисы поедали руку, – покачал головой он.

Лисы оттащили одну руку метра на полтора от мемориальной доски в память о Кристофере Марло³⁴. Остальные части тела кучей лежали у подножия ступенек, спускающихся к одному из входов в колокольню.

– Боже праведный! – воскликнула Хенли, подойдя ближе.

³⁴ Кристофер Марло (1564–1593) – английский поэт, переводчик и драматург. Он был похоронен на кладбище Дептфорда в общей чумной могиле. Она не сохранилась, но мемориальная доска была установлена в примерном месте захоронения.

Она остановилась в трех шагах от последней ступеньки и прикрыла рот рукой. Среди разбитых пивных бутылок, смятых пакетов из-под крекеров и заляпанных маслом коробок из-под курицы лежало разрезанное на куски разлагающееся тело мужчины.

– Как вы считаете, он здесь давно? – Рамоутер заглянул внутрь. Все это выглядело как разрытая темная могила.

По оставшейся плоти в задней части шеи мужчины – там, где ему отрезали голову, – ползали жирные белые черви. Конечности кто-то завернул в прозрачные куски пластиковой пленки, и в тех местах, где их грызли лисы, она оказалась разорвана. Когда-то белая кожа туловища приобрела зеленоватый оттенок, покрылась пятнами и натянулась, как шкурка на переваренной сосиске. Хенли поднялась на несколько ступенек вверх.

– Если лисы его только что нашли, значит, кто-то его здесь сбросил очень рано утром. Но сколько времени он уже мертв? – спросила Хенли и сама себе ответила: – Неизвестно. Где пастор?

– Вернулся в церковь, – ответил Рамоутер. – Я только не понимаю, почему его бросили *здесь*?

– Не знаю, – честно ответила Хенли. – Но сделал это человек, который хорошо знает эту местность. Неслучайно тела Кеннеди и Зоуи нашли совсем недалеко отсюда и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.